



Даниил Орлов

Сосед всегда поможет

<https://litres.ru/74652672>

SelfPub; 2026

Аннотация

Школьный психолог Павел Сазонов узнаёт от напуганной матери ученицы: безупречно вежливый сосед Аркадий хранит чужие ключи, входит в квартиры и превращает каждую услугу в долг. Но Павел и сам уязвим. Однажды он оставил тринадцатилетнего племянника одного на ночь и попросил соседку солгать ради сохранения опеки.

Пока Аркадий встречает детей, спасает пожилых и знает всё о жильцах общего двора, доказательства его власти рассыпаются на десятки невинных подробностей. Чтобы остановить человека, который всегда приходит на помощь, Павлу придётся первым раскрыть собственную ложь, не выдать тайну клиентки и не позволить превратить ребёнка в разменную монету.

«Сосед всегда поможет» — психологический триллер о доверии, которое незаметно становится доступом, и о помощи, за которую никто не вправе требовать послушания.

Содержание

От автора	4
Глава 1. После звонка	5
Глава 2. Человек со связкой	24
Глава 3. Временная опека	38
Глава 4. Услуга за услугой	61
Глава 5. Не было приёма	82
Глава 6. Запасной ключ	102
Глава 7. Ночная запись	125
Глава 8. Ложная соседка	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Даниил Орлов

Сосед всегда поможет

От автора

Самая опасная помощь редко начинается с угрозы. Чаще она приходит вовремя, помнит код от подъезда, знает, кому купить лекарства, и просит взамен совсем немного: запасной ключ, разрешение видеть маршрут, право решить за вас в трудную минуту.

Эта история — о границе между заботой и властью. О специалисте, который умеет замечать чужое давление, но сам однажды выбрал удобную ложь ради семьи. И о том, почему честное признание собственной ошибки иногда защищает близкого надёжнее, чем образ безупречного взрослого.

Здесь нет одного всевидящего свидетеля и волшебной записи. Правда собирается из обычных вещей: времени входа, квитанции на ключ, выключенного датчика, подписи, которую человеку дали не прочитать. Каждый след мал. Вместе они возвращают людям право распоряжаться собственным домом и собственным «нет».

Глава 1. После звонка

Телефон на столе завибрировал ровно в тот момент, когда Павел Сазонов спросил Оксану Миронову, чувствует ли она себя дома в безопасности.

Она посмотрела не на экран, а на дверь кабинета.

Дверь была закрыта. За ней тянулся обычный школьный коридор: шарканье сменной обуви, гул голосов, резкий свисток учителя физкультуры из дальнего крыла. На матовом стекле дрожала тень прошедшего человека. Павел знал, что замок исправен, а разговор не слышен из приёмной, но всё равно понизил голос.

— Вам не обязательно отвечать сразу.

Оксана держала сумку на коленях обеими руками. Пальцы вцепились в короткие ручки так, словно сумку могли вырвать. Женщине было лет тридцать пять. Павел видел её прежде на родительских собраниях у шестого «Б»: аккуратное пальто, гладко собранные волосы, тихая улыбка человека, который старается не задерживать очередь. Сегодня волосы были влажными от дождя, на правом рукаве темнело пятно.

Телефон перестал вибрировать. Через несколько секунд пришло сообщение, экран коротко осветил подкладку раскрытой сумки.

Оксана захлопнула её.

— Это он, — сказала она.

Павел не спросил кто. В начале встречи она назвала только «одного человека из нашего двора» и несколько раз повторила, что, возможно, всё понимает неправильно. Потом рассказала, как вернулась с работы раньше обычного и заметила на кухне открытую форточку. Утром она её закрывала — помнила точно, потому что дочь пожаловалась на холод. Ничего не пропало. На столе стоял пакет молока, которого она не покупала.

— Вы ожидали, что кто-то зайдёт? — спросил Павел.

— Нет.

— У кого есть ключ?

Она ответила после паузы:

— Был.

Павел оставил это слово между ними. На столе лежал чистый лист для записок. Он не писал имён и подробностей, пока человек не понимал, зачем они нужны. Рядом стояли песочные часы из кабинета младших классов: синий песок давно стек вниз. За окном двор лица блестел мокрым асфальтом. Дежурный девятиклассник тащил к крыльцу пластиковый дорожный конус.

— Я дала ключ весной, — продолжила Оксана. — Лиза заболела, я была в аптеке. Аркадий принёс градусник, потом встретил врача. Он всегда так. Если курьер пришёл, а тебя нет, он примет. Если ребёнок забыл форму, подвезёт. У него служба называется «Рядом». Добровольная. В нашем квар-

тале все знают.

Имя прозвучало обыденно. Павел тоже знал Аркадия Вельцева. Высокий мужчина в светлом плаще, неизменно спокойный, внимательный к чужим пакетам и коляскам. Он организовывал сбор батареек в лицее, зимой договаривался о песке для скользкой дорожки, летом отвозил пожилых жильцов в поликлинику. Денис называл его дядей Аркашей, хотя Павел просил племянника не навязывать людям родство.

У Аркадия был и их запасной ключ.

Павел ощутил это раньше, чем сформулировал. Будто в кармане оттянул связку маленький металлический зубец.

— Вы попросили вернуть ключ? — спросил он.

— В июне. Он принёс. При мне снял с кольца. Я потом два месяца чувствовала себя душой из-за того, что вообще попросила. Он ведь выручил. Не раз.

— Почему попросили вернуть?

Оксана провела большим пальцем по шву сумки.

— Он стал знать, когда нас нет. Не просто видеть из окна. Лиза ушла к подруге — он через минуту спрашивает, почему одна. Я меняю смену — вечером интересуется, понравилось ли мне работать до девяти. Сначала думала, чат. У нас общий чат, там всё обсуждают. Потом перестала писать. Он всё равно знал.

В коридоре прозвенел звонок. Разом распахнулись двери кабинетов, и тишину смяло бегущими голосами. Оксана

дёрнулась. Павел поднялся, повернул табличку на внешней стороне двери надписью «идёт консультация» и вернулся в кресло. Он не проверял ручку: лишнее движение могло подтвердить, будто опасность уже здесь. Но он отметил про себя время — четырнадцать сорок три — и то, как быстро женщина отреагировала на звонок.

— Давайте разделим то, что вы знаете, и то, чего опасаетесь, — сказал он. — Вы видели Аркадия в квартире после возврата ключа?

— Нет.

— Есть следы взлома?

— Нет.

— Кто ещё мог открыть форточку или принести молоко?

— Никто. Лиза была в школе. Больше ключей нет.

Павел не поправил её. «Никто» означало: никто, кого она знала. Именно так страх сжимал мир до одного объяснения, иногда верного, иногда нет. Его работа состояла не в том, чтобы поверить или не поверить, а в том, чтобы помочь человеку удержаться на проверяемой земле.

— Замок меняли после того, как ключ вернулся?

Оксана покачала головой.

— Он дорогой. Я собиралась.

— Сегодня вы можете не возвращаться туда одна?

— Уехать некуда. И Лиза не знает.

— Можно попросить знакомого взрослого побыть с вами, пока вы вызовете мастера. Или вызвать полицию, если счи-

таете, что в квартиру входили без разрешения.

— Полицию? С молоком? — Она впервые усмехнулась, но лицо осталось неподвижным. — Он и участковому помогает. Возит его мать на процедуры.

— Это не отменяет вашего права сообщить о входе. Даже если ничего не украли.

— А что я скажу? Что хороший человек купил моему ребёнку молоко?

Павел услышал в этой фразе чужую интонацию — ровную, терпеливую, почти ласковую. Возможно, она уже проносила её кому-то. Возможно, ей произнесли её заранее.

— Скажите то, что знаете: вы не разрешали входить, а дома появились изменения. Не утверждайте того, чего не видели.

Телефон снова завибрировал. На этот раз Оксана достала его. Экран был направлен к ней, но Павел успел увидеть имя: «Аркадий Рядом». Она прочитала сообщение и побледнела.

— Что там?

Оксана протянула телефон, затем тут же прижала к груди.

— Нет.

— Вы не обязаны показывать.

— Он спрашивает, почему я не ем.

Павел ждал продолжения.

— Я сказала это здесь, — произнесла она. — Вам. Когда вы спросили про сон и еду. Я никому не говорила.

Десять минут назад она действительно сказала: «Сплю по

два часа, почти не ем». Фраза была общей. Аркадий мог заметить, что она похудела, увидеть нетронутые продукты, услышать жалобу раньше. Совпадение ещё не было доказательством. Но дверь кабинета теперь казалась Павлу тоньше.

— Можно прочитать точный текст?

Оксана медленно повернула экран.

«Ты опять весь день на кофе. Поешь до разговора с Лизой. Не пугай ребёнка своим лицом. Если надо, я рядом».

Сообщение пришло в четырнадцать сорок три, во время звонка. Павел запомнил время. Он не потянулся к телефону и не попросил переслать снимок. Сначала следовало понять, чего хочет Оксана и не увеличит ли любое действие риск.

— Он раньше говорил вам про еду?

— Вчера. Позавчера. Он оставил суп у двери. Но «весь день на кофе» я сказала только сейчас. Я сказала именно так.

Павел посмотрел на вентиляционную решётку под потолком, на выключенный компьютер, на красный огонёк сетевого фильтра. В кабинете не было умной колонки. Личный телефон лежал в запёртом ящике: во время консультаций он убирал его, чтобы не отвлекаться. Школьный ноутбук был закрыт. За стеной находился кабинет логопеда, сейчас пустой. Напротив — маленькая кладовая с бумагой и старой аппаратурой.

Ему захотелось встать и обойти комнату. Он остался сидеть.

— Кто знал, что вы идёте ко мне?

— Классная руководительница. Я написала, что хочу поговорить из-за Лизы. Не про это. Лиза, наверное. И Аркадий.

— Вы сказали ему?

— Он сам спросил утром, не опоздаю ли к школьному психологу. — Оксана зажала телефон между ладонями. — Павел Сергеевич, он иногда говорит словами из нашей кухни. Не смыслом. Словами. Я сказала Лизе, что мы проживём без чужих подачек. Вечером он написал: «Не называй помощью подачи, особенно при ребёнке». Я спросила Лизу. Она клянётся, что не говорила.

— Когда это было?

— В понедельник.

— До того, как вы заметили молоко?

— За день.

— В квартире есть камеры, радионяня, старый телефон, устройство с голосовым помощником?

— Нет. Только телевизор. И датчик дыма, его Аркадий поставил бесплатно. Всем ставил.

Вот теперь Павел записал два слова: «датчик дыма». Не имя, не предположение о прослушивании — предмет, который можно осмотреть. Оксана следила за ручкой.

— Вы записываете?

— Только название устройства, чтобы не забыть. Могу зачеркнуть при вас.

— Зачеркните.

Он провёл по словам две линии и перевернул лист. Оксана

заметно выдохнула.

— Я не сумасшедшая, — сказала она.

— Я этого не говорил.

— Но вы проверяете варианты.

— Да. Потому что хочу отличить угрозу от догадки. Если вход был, вам нужен новый замок. Если устройство передает звук, его должен проверить человек, который сможет это подтвердить. Если Аркадий получает сведения другим способом, нам важно не выбрать удобное объяснение и не пропустить настоящее.

— «Нам»?

Павел почувствовал, как слово потянуло его ближе, чем следовало. Он исправился:

— Вам. А я могу помочь составить безопасные шаги и решить, к кому обратиться.

Оксана отвела глаза к окну. На площадке дети расходились после уроков. За школьной оградой виднелись четыре дома, поставленные квадратом вокруг двора. Павел жил в дальнем, Оксана — в соседнем. Из верхних окон можно было видеть школьное крыльцо, парковку, детскую площадку и почти все дорожки между подъездами. В таком дворе не требовалась тайная аппаратура, чтобы многое знать о соседях. Достаточно было смотреть и быть тем, кому люди сами сообщают остальное.

— Он хранит ключи, — сказала Оксана. — Не только мой. У него целый шкаф. Тамара Сергеевна отдала, потому что

падает. Громы отдали, чтобы он кормил кота. У Лобановых два комплекта. Он подписывает не фамилиями, а номерами, говорит, безопаснее. Я видела список в его помещении. Квартира, дети, телефоны, когда кто работает.

— Вы фотографировали список?

— Нет.

— Он объяснял, зачем сведения о детях?

— Чтобы знать, кому звонить, если ребёнок потерял ключ. Всё всегда зачем-нибудь хорошее.

Последняя фраза прозвучала без насмешки. В ней было утомление человека, которому каждый отдельный поступок уже объяснили, а целое объяснить забыли.

Павел положил ручку на стол.

— Что произошло перед тем, как вы решили прийти сегодня?

Оксана открыла сумку и достала небольшой прозрачный пакет с застёжкой. Внутри лежал кусочек синей пластмассы размером с ноготь и два коротких винта.

— Утром датчик упал. Корпус разошёлся. Там внутри была ещё одна плата, не такая, как на картинке в инструкции. Я поискала в интернете. Ничего не поняла. Сфотографировала. Через семь минут Аркадий написал, что датчик нельзя чинить самой и он зайдёт вечером заменить.

— Вы отправляли кому-то фотографию?

— Нет.

— Искали с домашнего интернета?

— С телефона.

— Он мог видеть, что датчик перестал работать, если тот подключён к приложению?

— Приложения у меня нет.

Павел не прикоснулся к пакету. Синяя пластмасса могла быть обычным креплением, плата — частью связи датчика с сетью добровольцев, а сообщение — автоматическим предупреждением. Но Оксана принесла не доказательство устройства, а доказательство того, что больше не доверяет человеку, которому позволила войти в дом.

— Датчик сейчас где?

— В камере хранения на вокзале.

Ответ удивил его своей подготовленностью.

— Почему там?

— Потому что я не знаю, слышит ли он. И не хочу, чтобы Аркадий забрал его, если зайдёт. Вы сейчас скажете, что я поступила странно.

— Я скажу, что камеру хранения тоже важно оплатить и сохранить чек. Не разбирайте устройство дальше. Если решите обращаться в полицию, объясните, где оно и почему вы его вынесли.

— Вы мне верите?

Павел посмотрел на зачёркнутые слова. Самым лёгким было сказать да. Такое «да» успокоило бы её на минуту и незаметно сделало бы его судьёй фактов, которых он не проверял. Самым безопасным для него было уйти в осторожные

формулировки и оставить женщину один на один с квартирой.

— Я верю, что вы боитесь не выдуманного чувства, — сказал он. — И вижу несколько вещей, которые можно проверить. Но я не могу подтвердить, что именно сделал Аркадий.

Оксана долго смотрела на него, потом кивнула.

— Хорошо. Так честнее.

Они составили короткий порядок на вечер. Не предупреждать Аркадия о датчике. Забрать Лизу вместе с другой матерью, которой Оксана доверяла. Не входить в квартиру, если дверь окажется открыта или будут следы чужого присутствия, а звонить в полицию. При обычном состоянии двери дожидаться мастера и заменить личинку замка. Сохранить сообщения и не отвечать на них в спешке. Павел предложил номер городского кризисного центра и отдельную встречу для Лизы только с её согласием, не превращая девочку в источник сведений о матери.

Когда они дошли до вопроса, что написать Аркадию, Оксана сказала:

— Если я не отвечу, он придёт.

— Он обычно приходит без согласования?

— Сначала спрашивает. Потом пишет: «Я уже рядом, не заставляй стоять под дождём». Если не открыть, соседи видят, что он ждёт из-за тебя.

Павел почувствовал знакомое раздражение — не профес-

сиональное, а личное. Год назад Аркадий привёз Денису забытый спортивный рюкзак и стоял у школьного крыльца с той же доброй полуулыбкой. «Не мог же я оставить парня без формы из-за взрослой рассеянности». Павел тогда поблагодарил. Денис сказал, что рюкзак забыл не он: Аркадий забрал его из прихожей, чтобы просушить после пролитой бутылки. Павел не уточнил, когда сосед вошёл и кто открыл.

Он отодвинул воспоминание. Сейчас перед ним была Оксана, и использовать её рассказ для проверки собственного страха было бы ещё одной формой присвоения.

— Можно ответить только о границе, — сказал он. — Например: «Сегодня не приходите. Я сама свяжусь с вами, когда буду готова».

— Он спросит почему.

— Вы не обязаны объяснять.

— Для него отсутствие объяснения — признание, что тебя кто-то настроил.

— Тогда не убеждайте его в обратном. Повторите ту же фразу.

Оксана набрала сообщение. Палец завис над кнопкой отправки.

Телефон Павла зазвонил внутри стола.

Он всегда отключал звук перед консультацией. Сейчас из запертого ящика донеслась мелодия, которую Денис поставил ему в шутку неделю назад. Павел замер. Оксана подняла голову.

Звонок оборвался. Тут же начался снова.

— Простите, — сказал Павел. — Этот телефон был выключен.

Он открыл ящик. На экране высветилось имя Дениса. Павел ответил, включив громкую связь только после короткого предупреждения Оксане и её кивка.

— Ты где?

Вместо голоса племянника послышался шум улицы, потом знакомое спокойное басовитое дыхание.

— Павел Сергеевич, добрый день, — сказал Аркадий Вельцев. — Денис оставил телефон в машине. Я подвёз ребят после секции. Не беспокойтесь, рюкзак тоже у меня.

Павел посмотрел на часы. У Дениса секция начиналась через сорок минут.

— Каких ребят вы подвезли?

— Наших. Дождь же. Денис рядом, руки заняты. Передать?

На заднем плане Денис сказал: «Я сам дойду». Голос был раздражённый, живой, близкий.

— Передайте телефон Денису.

Наступила пауза, короткая, но слишком отчётливая.

— Конечно.

Послышался шорох.

— Паш, всё нормально, — быстро сказал Денис. — Мы у лица. Он просто решил... Короче, я сейчас приду.

— Иди прямо к охране. Жди меня внутри.

— У меня тренировка.

— Сегодня подождёшь.

Денис шумно выдохнул.

— Ладно.

Павел отключился и сразу набрал пост охраны. Дежурная подтвердила, что видит Дениса у ворот вместе с Аркадием. Павел попросил впустить мальчика и не отпускать без него. Только после этого положил телефон на стол.

Оксана не двигалась.

— Он знает, что я здесь, — сказала она.

— Из этого звонка этого не следует.

— Следует. Лиза ушла домой с подругой. Денис должен был быть на тренировке. Зачем он привёз его сюда сейчас?

У Павла не было ответа, который не звучал бы либо наивно, либо панически. Он выбрал действие.

— Я провожу вас через учительский выход. Машину закажите не к воротам, а к библиотеке на соседней улице. Я попрошу социального педагога пройти с вами. Она не будет знать содержание разговора, только то, что вам нужен сопровождающий.

— Нет. Никого из школы.

— Тогда останьтесь здесь, пока не приедет ваша знакомая.

Оксана поднялась. Пакет с пластмассовым обломком она убрала в сумку. На столе остался телефон. Экран снова загорелся.

«Не забудь: после серьёзного разговора лучше поесть. И

ничего не подписывай на голодный желудок».

Оксана увидела сообщение одновременно с Павлом. Быстро схватила телефон, словно он мог произнести текст вслух.

— Вы сказали «составим порядок», — прошептала она. — Потом спросили, готова ли я его записать. Он пишет про подпись.

— Мы ничего не подписывали.

— Ему всё равно. Он показывает, что слышит.

Она шагнула к двери.

Павел встал между ней и ручкой, оставив достаточно места, чтобы это не выглядело преградой.

— Если вы сейчас выйдете через главный вход, можете встретить его. Дайте мне две минуты проверить коридор.

— Нет. Если останусь, будет хуже.

— Что именно станет хуже?

— Он позвонит Лизе. Скажет, что у мамы опять неприятности. Она откроет ему. Она всегда открывает, потому что он однажды нашёл её, когда она потерялась.

Павел отошёл от двери.

— Позвоните Лизе сейчас. Попросите не возвращаться домой и ждать вас у подруги. Не объясняйте причину по телефону.

Оксана набрала дочь. Лиза ответила не сразу. Павел слышал только голос матери: спокойный, почти будничный. «Побудь у Сони. Нет, ничего не случилось. Я заберу. Дверь

никому не открывай — ты же у Сони, там её мама». В середине разговора Оксана закрыла глаза. Когда она закончила, руки дрожали меньше.

Павел позвонил социальному педагогу Светлане Юрьевне и попросил её подойти, не называя имени посетительницы. Оксана покачала головой, но не ушла. Через минуту за дверью раздался условленный двойной стук.

Светлана Юрьевна вошла в дождевике, с папкой под мышкой. Она взглянула на Оксану, потом на Павла и не задала ни одного вопроса.

— Нужно выйти через столовую, — сказал Павел. — Проводите до калитки у библиотеки.

— Конечно.

Оксана уже взялась за ручку, когда обернулась.

— Ничего не записывайте.

— Я обязан сохранить факт встречи и общую причину обращения, если она связана с благополучием ученицы. Содержание вашей личной истории без необходимости раскрывать не буду.

— Нет. Вообще ничего. Я ошиблась. Не было приёма.

— Вы можете отказаться от продолжения. Но я не стану создавать ложную запись.

Страх на её лице на мгновение сменился злостью.

— Тогда вы такой же. Вам всем нужна бумага, чтобы потом решить, хорошая я мать или нет.

— Я слышу, что вы боитесь именно этого. Сейчас важнее,

чтобы вы и Лиза были не одни. Завтра мы можем отдельно обсудить запись.

— Завтра я ничего не подтверждаю.

Она вышла вслед за Светланой Юрьевной. Павел дождался, пока шаги стихнут, запер дверь и подошёл к окну.

На школьном крыльце стоял Денис с рюкзаком у ног. Рядом, под прозрачным зонтом, Аркадий Вельцев беседовал с охранницей через открытую створку. Светлый плащ, начищенные ботинки, спокойная поза. Он первым заметил Павла в окне и поднял свободную руку в приветствии.

Павел не ответил.

Аркадий показал на рюкзак, потом на небо: обычный жест человека, который объяснял, почему помог. Денис обернулся, увидел дядю и что-то сказал. Даже с третьего этажа Павел понял по движению губ: «Ну наконец».

За учительским корпусом открылась боковая калитка. Светлана Юрьевна и Оксана вышли к библиотеке. Из главного двора их не было видно.

Аркадий снова посмотрел вверх. На этот раз он не махнул. Достал из кармана телефон.

На столе в кабинете мигнул служебный аппарат. Не звонок — новое письмо на школьную почту. Павел вернулся, открыл ноутбук и увидел тему: «Благодарность за заботу о семьях района».

Письмо было отправлено с адреса службы «Рядом» заместителю директора, классному руководителю Лизы и Павлу.

Вежливое, короткое. Аркадий предлагал провести для родителей встречу о том, как замечать переутомление и вовремя поддерживать тех, кто «перестаёт нормально есть и принимать разумные решения». В конце стояло: «Я всегда рядом и готов помочь, особенно после трудных разговоров».

Павел перечитал последнюю фразу дважды.

Потом закрыл письмо, не отвечая, и создал карточку встречи. Указал время, имя Оксаны и ровно столько, сколько мог подтвердить: мать ученицы обратилась с тревогой из-за возможного неразрешённого доступа постороннего человека в квартиру; получила сведения о доступных службах и мерах безопасности; от продолжения консультации отказалась. Ни слова о датчике, ключах других жильцов, еде или сообщениях. Ни одного вывода об Аркадии.

Сохранить запись оказалось труднее, чем он ожидал. Курсор стоял над кнопкой, а в голове уже звучали вопросы комиссии по опеке: почему школьный психолог вовлёкся в соседский конфликт, почему рядом с ним снова оказался ребёнок без надзора, почему он сам год назад просил Нину Петровну солгать.

Павел нажал «сохранить».

За окном Аркадий наклонился и поднял Денисов рюкзак. Денис попытался забрать его, но мужчина мягко удержал лямку, продолжая что-то объяснять охраннице. Помощь всегда выглядела убедительнее, когда её можно было держать в руке.

Павел взял куртку, проверил, что карточка закрыта, и вышел к племяннику.

Глава 2. Человек со связкой

На первом этаже пахло мокрой одеждой и столовским компотом. Павел спускался через две ступеньки, пока не увидел в стекле входной двери собственное отражение: расстёгнутая куртка, папка под мышкой, лицо человека, который уже решил, кого обвинить.

Он остановился и застегнулся.

За дверью Аркадий держал Денисов рюкзак, охранница Галина Ивановна — зонт, а Денис пытался выдернуть лямку. Со стороны сцена выглядела почти семейной. Заботливый взрослый не позволял подростку бросить вещи в лужу. Подросток сердился именно потому, что о нём заботились на глазах у школы.

Павел вышел под навес.

— Телефон и рюкзак отдайте Денису.

Аркадий повернулся. Улыбка не исчезла, но стала меньше.

— Добрый день, Павел Сергеевич. Я как раз объясняю, почему технику не стоит оставлять в открытой машине.

— Машина была открыта? — спросила Галина Ивановна.

— На минуту. Здесь безопасно, но привычку лучше вырабатывать сразу.

Он протянул телефон Денису. Рюкзак отпустил только тогда, когда мальчик взял его обеими руками.

— Я его не оставлял, — сказал Денис. — Вы сами положили телефон на зарядку.

— По твоей просьбе.

— Я попросил провод.

Аркадий взглянул на Павла так, будто приглашал разделить взрослое терпение.

— Подростки редко замечают половину того, что для них делают.

— Зато замечают, когда их вещи не отдают, — ответил Павел.

Галина Ивановна кашлянула. За стеклом у турникета собрались две семиклассницы, привлечённые спором. Одна держала телефон камерой наружу. Павел открыл дверь шире и жестом отправил их в коридор.

— Мы поговорим без зрителей.

— Конечно, — сказал Аркадий. — Мне тоже не хотелось бы, чтобы помощь выглядела конфликтом.

На стоянке мигнули фары его серого универсала. В салоне сидела девочка лет десяти, прижав к груди футляр для скрипки. На заднем сиденье лежали два пакета с продуктами и складные ходунки.

— Там ребёнок один, — сказал Павел.

— Маша Громова. Мать задерживается, я отвезу её в музыкальную школу. Галина Ивановна видит машину, дверь открыта, я стою в семи метрах. — Аркадий произнёс это без вызова. — Если вы считаете, что я подвергаю Машу опасно-

сти, давайте позовём её сюда.

Павел услышал, как легко разговор перестроился. Теперь он мешал человеку, который в дождь вёз ребёнка на занятие.

— Отвезите Машу, — сказал он. — Денис остаётся со мной.

— Так и планировалось. Я увидел, что он идёт пешком под дождём, остановился. Потом вспомнил про рюкзак. Вот и всё.

— Рюкзак был у вас дома?

— В подсобке «Рядом». Денис оставил его вчера.

— Нет, — сказал Денис. — Он был у нас в прихожей.

Аркадий посмотрел на него с мягким удивлением.

— Ты принёс его, когда заходил за насосом. Вспомни.

Денис открыл рот, потом нахмурился. Павел знал это выражение. Племянник перебирал вчерашний вечер и обнаруживал в нём пробелы: пришёл из школы, бросил куртку, спустился к велосипедам, вернулся, поел. Мог ли он взять рюкзак? Мог. Забыл ли? Тоже мог.

— Я не помню, — сказал Денис.

— Ничего страшного. — Аркадий повернулся к Павлу. — В таком возрасте память занята более важными вещами.

Из кармана его плаща донёсся звон металла. Аркадий достал связку ключей, выбирая автомобильный брелок. Ключей было не меньше двенадцати: плоские квартирные, маленькие от почтовых ящиков, два магнитных брелока от домофонов. На некоторых висели белые пластиковые номера.

Павел невольно задержал взгляд.

— Рабочие, — объяснил Аркадий. — От подсобки, ворот, кладовой. И соседские. Сегодня Тамаре Сергеевне лекарства завезти, Громовым кота покормить. Всё с разрешения.

— Разрешение можно отозвать.

— Разумеется. — Аркадий нажал кнопку, машина пискнула. — Нельзя делать людям добро насильно. Всё всегда за чем-нибудь хорошее, но даже хорошему нужна мера.

Фраза легла между ними точно на место зачёркнутой записи.

«Всё всегда за чем-нибудь хорошее», — сказала Оксана двадцать минут назад в закрытом кабинете.

Павел посмотрел на окна третьего этажа. Из коридора сюда выходили четыре одинаковые рамы. Его кабинет находился за второй слева. Створка была закрыта. Даже если бы Оксана говорила у открытого окна, с крыльца нельзя было различить слова.

— Откуда эта фраза? — спросил он.

— Какая?

— Про то, что всё за чем-нибудь хорошее.

Аркадий чуть наклонил голову.

— А разве не так? Вы сегодня необычно серьёзны. Что-то случилось?

— Я задал вопрос.

— А я не понял, чего вы хотите. Это обычные слова.

Обычные. В этом и была их сила. Если бы Аркадий по-

вторил редкое имя или подробность про датчик, совпадение стало бы уликой. Но пять простых слов мог произнести любой. Павел не имел права выдать собственный испуг за доказательство.

— Кто попросил вас забрать Дениса? — спросил он.

— Никто. Увидел его у магазина.

— Я был у остановки, — сказал Денис.

— Тем более. До секции далеко.

— Семь минут пешком.

Аркадий улыбнулся мальчику.

— Под дождём семь минут становятся пятнадцатью.

Павел протянул руку.

— Покажите ключ от моей квартиры.

Улыбка наконец исчезла.

Галина Ивановна переступила с ноги на ногу. В универсале Маша приоткрыла дверь и спросила, скоро ли они поедут. Аркадий ответил ей, что через минуту, затем перебрал связку.

— Вы сами дали его прошлой зимой. Когда Ирина уехала, а Денис забывал ключи.

— Покажите.

Аркадий отделил ключ с зелёной насадкой. Павел узнал его. Сам заказывал три копии: себе, Ирине и запасную. После того как сестра легла в клинику, запасную он передал Аркадию на неделю. Потом случились школьная проверка, ночной звонок, Денис, уснувший в одежде, и ключ перестал

существовать в его мыслях.

— Верните.

— Конечно.

Аркадий снял ключ с кольца и положил Павлу на ладонь. Металл был тёплым.

— Есть копия?

— Нет.

— Вы можете подтвердить?

— Как подтверждают отсутствие ключа? — спросил Аркадий без улыбки. — Могу написать расписку, но вы сами знаете: бумага не докажет, что где-то нет другой железки. Лучше сменить личинку, если тревожитесь.

Совет был разумным. Тем же вечером Павел дал бы его любому человеку на консультации.

— Сменю.

— Могу вызвать хорошего мастера. Он сделает дешевле.

— Не надо.

— Как скажете.

Аркадий убрал связку. Теперь металл звякнул тише, словно один ключ действительно менял её вес.

— Павел Сергеевич, — сказала Галина Ивановна, — может, вы в кабинете разберётесь? Девочка ждёт, дождь идёт.

— Мы закончили, — ответил Павел.

— Тогда доброго дня. — Аркадий раскрыл зонт. — Денис, на тренировку я тебя отвезу. Мы успеем.

— Он остаётся, — повторил Павел.

— Паш, у меня отбор, — сказал Денис. — Если пропущу, меня не поставят в субботу.

— Дойдём сами.

— Ты без машины.

— Возьмём такси.

Денис посмотрел на серый универсал, затем на дядю. В его молчании было не желание ехать именно с Аркадием, а привычный подростковый приговор взрослой нелепости: рядом есть бесплатная машина, но из-за непонятного спора придётся ждать и платить.

Аркадий не вмешивался. Он позволял Павлу самому выглядеть неразумным.

— Езжай, — сказал Павел наконец. — Я поеду с вами.

— Места нет, — сказал Аркадий. — Маша, ходунки, продукты.

— Тогда Денис идёт со мной.

Аркадий развёл руками.

— Решать вам. Только не опоздайте.

Он сел за руль. Маша захлопнула дверь, машина медленно выехала со школьного двора. На перекрёстке Аркадий пропустил женщину с коляской, хотя имел преимущество. Женщина благодарно подняла руку.

— Ты чего? — спросил Денис.

— Пойдём внутрь.

— Тренировка в другую сторону.

— Закажу машину.

— У тебя опять приступ контроля?

Павел вздрогнул. Так Ирина называла его попытки про-
верить, где она была во время срывов. Денис слышал фразу
от матери, но последнее время употреблял редко.

— Я хочу понять, почему Аркадий взял твой телефон.

— Чтобы зарядить. Батарея села.

— Ты просил?

— Не знаю. Может, сказал, что села. Какая разница?

— Он звонил мне с него.

— Потому что ты сам не отвечал.

— Телефон был на беззвучном.

— Он сказал, ты точно услышишь. И слышал же.

Павел открыл приложение такси. Машина ожидалась че-
рез девять минут. Денис стоял под навесом, упрямо выста-
вив подбородок. С мокрых волос капало на ворот толстовки.

— Покажи сообщения с Аркадием.

— Нет.

— Денис.

— Там ничего нет. Но телефон мой.

Павел заставил себя убрать протянутую руку. Право про-
верить телефон подростка у него было, особенно при угро-
зе, но превращать тревогу в обыск сразу после разговора о
чужих границах означало повторить то, чего он боялся.

— Хорошо. Тогда только ответь: он писал тебе сегодня до
встречи?

Денис посмотрел в экран.

— Спросил, во сколько тренировка. И нужна ли машина.

— Что ты ответил?

— Что не нужна.

— После этого он подъехал?

— Он был у магазина. Может, случайно.

— Может.

Денис поднял глаза.

— Почему ты говоришь так, будто он преступник? Он нам помогал. Когда мама... ну, когда всё было. Ты сам его просил.

— Просил.

— Он ночью приезжал, помнишь? И со мной сидел.

Павел помнил другую ночь — ту, о которой Аркадий не должен был знать. Он оставил Дениса одного, потому что в лицее ученик заперся в туалете после травли и грозился выпрыгнуть из окна. Павел рассчитывал вернуться через час. Вернулся под утро: полиция, родители, больница. Денис никому не открыл и сказал, что спал. На следующий день Павел попросил Нину Петровну подтвердить, будто мальчик ночевал у неё.

Аркадий действительно приезжал в другие ночи. Привозил еду, сидел на кухне, рассказывал Денису про автомобили. Поэтому запасной ключ оказался у него и поэтому Павел не потребовал его назад.

— Помощь в прошлом не даёт человеку права решать за тебя сейчас, — сказал Павел.

— Он просто подвёз.

— После того как ты отказался.

— Я не отказался. Я написал, что не надо. Это не то же самое.

— Именно то же.

Денис фыркнул.

— Психолог нашёл насилие в машине до тренировки.

Такси подъехало к библиотеке, и они перебежали улицу. В салоне пахло ванильным ароматизатором. Водитель молча увеличил громкость радио, когда Денис назвал адрес спортивного центра.

Павел написал Светлане Юрьевне: «Всё в порядке?» Ответ пришёл сразу: «Передала знакомой у библиотеки. Уехали вместе». Он удалил уведомление с экрана, но сообщение оставил.

— Это из-за той тётки? — спросил Денис.

— Какой?

— Которая вышла с чёрного хода.

— Ты её видел?

— Аркадий видел. Сказал, у вас, наверное, опять семейная драма.

— Когда сказал?

— Когда мы подъехали.

— Он видел, как она выходила?

— Наверное. Зачем ты цепляешься к каждому слову?

Павел посмотрел назад. За мокрым стеклом исчезла шко-

ла. Боковую калитку от крыльца закрывал корпус столовой. Из машины на парковке её можно было увидеть лишь через узкий проезд, если заранее смотреть именно туда.

— Как Аркадий узнал, что мы будем у лица? — спросил он.

— Я сказал, что хочу забрать из шкафчика вторую форму.

— До того, как он встретил тебя?

— Нет. В машине.

Ответ снова оставлял место случайности. Аркадий мог просто ехать мимо. Мог предложить подвезти. Мог увидеть Оксану, потому что разворачивался. Каждое объяснение было отдельным и правдоподобным. Только вместе они начинали давить.

У спортивного центра Денис выскочил прежде, чем Павел расплатился. У дверей его ждал тренер, недовольно поглядывая на часы. Павел догнал племянника в раздевалке.

— После тренировки никуда один не уходи.

— Я не маленький.

— Знаю.

— Тогда перестань говорить как с маленьким.

Павел достал зелёный ключ и положил на скамейку между ними.

— Этот ключ от нашей квартиры был у Аркадия. Я забрал его только сегодня. Это моя ошибка.

Денис перестал затягивать шнурок.

— И что?

— Пока не сменим замок, будь внимательнее. Никому не открывай, даже знакомым. Если дверь уже открыта, не входи.

— Он бы не полез к нам.

— Я не знаю, полез бы он или нет.

— А ту женщину ты слушал и теперь знаешь?

Павел почувствовал холод. Денис не называл Оксану, и это было хорошо. Значит, Аркадий не произнёс имени при нём. Или мальчик не запомнил.

— Я не могу обсуждать посетителей.

— Конечно. Только из-за них можно испортить мне отбор.

Тренер позвал Дениса. Тот схватил форму и ушёл, не прощаясь.

Павел остался у ряда металлических шкафчиков. На ладони лежал ключ, который ничего не доказывал. Возвращён добровольно, без спора. Совет сменить замок дал сам Аркадий. Связка соседских ключей могла быть именно тем, чем он её назвал: способом помогать людям, которые попросили.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло от неизвестного номера.

«Мастер по замкам. Аркадий дал ваш контакт. Могу быть у вас в 18:30. Соседская цена».

Павел не ответил. Через минуту мастер прислал фотографию упаковки новой личинки и адрес Павла с номером квартиры.

Аркадий не просто предложил помощь. Он уже передал постороннему человеку домашний адрес и назначил время.

Павел сделал снимок экрана, сохранил номер и только потом написал: «Я не давал согласия на вызов и передачу моих данных. Не приезжайте».

Ответ появился почти сразу: «Понял. Извините. Аркадий сказал, срочно из-за ребёнка».

Из зала донёсся свисток. Денис выбежал на площадку и занял место в конце шеренги. Он успел. Тренер хлопнул его по плечу и передал мяч.

Павел сел на верхний ряд пустой трибуны. Ему хотелось позвонить Аркадию и потребовать объяснений. Вместо этого он записал время сообщения мастера и точные слова, не добавляя к ним ни одного вывода.

Внизу Денис забил первый мяч. Обернулся к трибуне, привычно ища взгляд дяди, но рядом с Павлом было пусто. Павел поднял большой палец.

Денис отвернулся слишком быстро, однако Павел увидел: жест он заметил.

На экране появилось новое сообщение. Теперь от Аркадия.

«Мастер сказал, вы отказались. Не сердитесь: хотел сэкономить вам время. Если передумаете, я рядом».

Павел выключил экран. Тёплый ключ оставался в кармане, а фраза Оксаны — в памяти. Пока у него были только обычные слова, обычная услуга и чужая связка.

Но отказ уже снова превратили в просьбу, которую он просто ещё не сумел правильно понять.

Глава 3. Временная опека

Матч закончился в половине восьмого. Денис вышел из раздевалки мокрый, красный и молчаливый. Форму он запихнул в рюкзак комом, хотя обычно Павел заставлял его сложить майку отдельно от кроссовок. Сегодня он не стал напоминать. За стеклянными дверями спортивного центра дождь сменился мелкой крупой, и на тёмном асфальте прыгали белые зёрна.

— Поставили в состав? — спросил Павел.

— Пока да.

— Это хорошо.

— Угу.

Денис направился к выходу. Павел поймал его за лямку рюкзака.

— Куртку застегни.

— Я не замёрз.

— На улице плюс три.

— Я только что два часа бегал.

— Поэтому и застегни.

Денис резко дёрнул плечом. Павел отпустил лямку раньше, чем движение превратилось бы в борьбу. Племянник всё-таки застегнул куртку, не глядя на него. Обычная просьба стала приказом только потому, что исходила от Павла. Ещё утром это раздражало бы. Теперь он замечал собствен-

ную интонацию и пытался понять, где забота уже перешла в желание удержать хоть что-нибудь.

У выхода висела доска объявлений. Среди рекламы секций и сбора макулатуры была фотография команды с прошлой игры. Денис стоял во втором ряду, шурился от солнца, ладонь товарища лежала у него на плече. Павел подумал, что ничего из увиденного комиссией не будет таким простым, как этот снимок. Кровать, еда, школьные оценки, медицинские справки — всё можно показать. Но нельзя положить на стол доказательство, что мальчик привык искать его взгляд на трибуне.

Телефон завибрировал. На экране появилась строка: «Отдел опеки и попечительства. Вам направлено уведомление в личный кабинет».

Павел остановился под навесом. Денис спустился на две ступеньки и обернулся.

— Что?

— Ничего. Сейчас посмотрю машину.

Он открыл уведомление. Документ загрузился не сразу. Сначала показалась серая рамка, потом герб, номер, фамилия специалиста. Плановое обследование условий проживания несовершеннолетнего Сазонова Дениса Игоревича. В связи с окончанием очередного этапа лечения матери и необходимостью уточнения временного порядка попечения. Предлагаемая дата — послезавтра, после шестнадцати часов. Просили обеспечить присутствие опекуна и ребёнка,

подготовить сведения о доходе, занятости, успеваемости и состоянии здоровья.

Ниже стояла знакомая фамилия — Мельникова. Именно она приходила в квартиру в июне, когда временное устройство Дениса оформляли на три месяца. Тогда она измерила взглядом раскладной диван, спросила, где мальчик делает уроки, и попросила Павла открыть холодильник. Не рылась, не придиралась, не разговаривала с ним как с подозреваемым. От этого было хуже: её спокойствие не давало повода считать проверку формальностью или нападением.

— Дядь Паш.

Павел поднял голову.

— Такси через шесть минут.

— Ты даже приложение не открыл.

— Сейчас открою.

Денис поднялся обратно, заглянул в экран и успел прочитать первые строки прежде, чем Павел опустил телефон.

— Опека?

— Плановая проверка.

— Из-за сегодня?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Павел заставил себя добавить:

— В уведомлении написано, что мама заканчивает этап лечения. Они должны понять, что будет дальше. Про сегодня там ничего нет.

— А про ключ?

— Тоже ничего.

— Аркадий мог им написать.

Павел всмотрелся в лицо племянника. Час назад Денис защищал соседа, теперь сам произнёс его имя. Не потому, что поверил Павлу, а потому, что тревога искала ближайшую причину.

— Мог, — сказал Павел. — Как и любой человек. Но мы не знаем, писал ли. Уведомление плановое. Не будем придумывать.

— Ты весь день придумываешь.

— Я весь день проверяю то, что можно проверить.

— Мой телефон хотел проверить.

— Хотел. И не стал.

— Медаль тебе дать?

Денис снова спустился со ступенек. Павел заказал машину. Адрес дома приложение подставило само, и на секунду ему показалось, что это тоже вторжение: телефон знал, куда они поедут, такси знало, спортивный центр знал время тренировки, школьная система — расписание. Разница была не в самом знании. Разница была в согласии, цели и в том, можно ли закрыть доступ, когда он больше не нужен.

В такси Денис сел впереди. Павел устроился сзади, достал из портфеля блокнот и переписал номер уведомления. Телефон оставил экраном вниз. На первом перекрёстке Денис спросил водителя, можно ли включить зарядку. Тот протя-

нул провод. Павел увидел, как племянник вводит код, и отвернулся к окну.

Дома замок выглядел прежним. Царапина над скважиной, оставленная ещё Ириной, была на месте. Павел осмотрел край двери и понял, что ищет следы, которых не умеет различать. Если кто-то входил собственным ключом, дерево ничего не расскажет.

— Подожди, — сказал он.

Денис уже взялся за ручку.

— Ты серьёзно?

— Я найду первым.

— Ты сам сказал: ключ у тебя.

— Я сказал: один ключ у меня.

Павел открыл дверь и включил свет в прихожей. На коврик стояли его старые кеды, у зеркала лежал чек из аптеки, на вешалке висела синяя ветровка Дениса. Из кухни тянуло сухим кофе. Ничего не изменилось. Он прошёл по комнатам, проверил окна, заглянул в ванную. Денис ждал в прихожей и с каждым его шагом становился всё мрачнее.

— Можно жить? — спросил он, когда Павел вернулся.

— Можно.

— Спасибо.

Он прошёл в комнату и захлопнул дверь. Павел снял мокрую куртку. В кармане звякнул зелёный ключ. Он положил его в керамическую миску на тумбе, потом сразу забрал. Место было привычное, а значит, очевидное. Ключ отправил-

ся в верхний ящик письменного стола, под папку со страховыми бумагами. Через минуту Павел достал его и положил в карман домашних брюк. Прятать возвращённый ключ в квартире, от которой могла существовать копия, было бессмысленно.

Он открыл сайт круглосуточной службы замков, нашёл номер не из сообщения Аркадия и позвонил.

— Замена личинки, — сказал он диспетчеру. — Сегодня возможно?

— Адрес?

Павел назвал улицу, но на просьбе продиктовать квартиру остановился.

— Мастер позвонит перед приездом?

— Конечно.

— Его фамилию и номер вы пришлёте сообщением?

— Да. Оплата после работы. Паспорт на квартиру или договор найма у вас есть?

— Есть.

Он назвал номер квартиры. Диспетчер предложила время между девятью и десятью вечера. Павел согласился, попросил не передавать контакт никому, кроме назначенного мастера, и тут же почувствовал неловкость. Для женщины на линии эта просьба ничего не значила. Она повторила её без удивления и назвала цену.

Из комнаты вышел Денис.

— А тому мастеру ты отказал.

— Потому что я его не вызывал.

— Какая разница, если всё равно меняешь?

— Разница в том, кто решает.

— Ты.

— В нашей квартире — да. В вопросах безопасности я отвечаю за решение.

— Тогда чего спрашиваешь, когда мне удобно? Решай всё сам.

Денис открыл холодильник. На верхней полке стояла кастрюля с супом, рядом контейнер с гречкой и две котлеты. Павел готовил на три дня, потому что иначе они переходили на пельмени и доставку. Комиссия наверняка отметила бы полный холодильник как плюс. Она не увидела бы, что последние две недели Денис ел один перед тренировкой, а Павел возвращался после восьми.

— Разогреть суп? — спросил Павел.

— Не хочу.

— После тренировки надо поесть.

— У меня в рюкзаке батончик.

— Батончик не ужин.

— Ты можешь один раз не быть психологом, опекуном и диетологом сразу?

Павел поставил кастрюлю на плиту.

— Могу. Но ужин всё равно будет.

Денис хотел ответить, однако телефон в кармане Павла зазвонил. На экране было написано «Ирина».

Они оба замерли. Сестра звонила по расписанию по вторникам и субботам. Сегодня был четверг.

— Возьми, — сказал Денис.

— Вместе?

— Потом поговорю.

Он сел за стол и отвернулся к окну. Павел ответил.

— Привет.

Голос Ирины был ясным, чуть торопливым. Так она говорила в те дни, когда старалась заранее доказать, что всё хорошо.

— Паша, мне разрешили дополнительный звонок. Я закончила закрытый этап. В понедельник переводят на дневную программу.

— Поздравляю.

— Это не просто поздравляю. Я смогу выходить. Сначала с сопровождающей, потом сама. Врач сказал, можно готовить возвращение домой.

Павел посмотрел на Дениса. Тот делал вид, что изучает двор, но плечи поднялись.

— Какое возвращение?

— Обычное. Моё. Дениса. Не завтра, конечно. Но они дадут заключение. Я сегодня разговаривала с Мельниковой.

Вот откуда уведомление. Простая причина существовала до того, как Павел успел связать письмо с Аркадием.

— Она назначила проверку на субботу, — сказал он.

— Уже? Отлично. Значит, дело движется.

— Для тебя — возможно. Для Дениса это не «дело».

— Не начинай.

— Я не начинаю. Он здесь и слышит половину разговора.
Денис повернулся.

— Дай мне.

Павел включил громкую связь и положил телефон на стол.

— Дениска, привет, — сказала Ирина. — Ну что, дожда-
лись? Меня в понедельник выпускают на дневное.

— Круто.

— Я же говорила, всё будет нормально. Мы скоро снова
будем дома.

Денис провёл ногтем по краю стола.

— Где дома?

Пауза длилась меньше секунды, но Павел услышал её.

— У нас, конечно.

— Там квартиранты до декабря.

— Я с хозяйкой договарюсь. Может, поживу пока у вас.

Ирина сказала это легко, будто речь шла об одной ночи
после позднего поезда. Квартира Павла была двухкомнат-
ной. Денис занимал маленькую комнату, Павел спал в боль-
шой. Для Ирины оставался диван рядом с его письменным
столом и единственной дверью на балкон.

— Ты обсуждала это с врачом? — спросил Павел.

— Паша, не превращай всё в собеседование.

— Я спросил конкретно.

— Мы обсуждали постепенное возвращение к семье. Се-

мья — это вы.

— А адрес?

— Адрес не главное.

— Для дневной программы главное. Как ты будешь ездить? Кто отвечает, если тебе станет плохо? Какие ограничения?

Денис стукнул ладонью по столу.

— Можно вы не сейчас?

Павел замолчал. Ирина первой сменила тон.

— Конечно. Прости. Ден, я правда очень старалась. Я не прошу тебя завтра собирать вещи. Просто хочу, чтобы ты знал: я возвращаюсь.

— Я знаю.

— Ты рад?

Вопрос был несправедливым именно потому, что звучал естественно. На него существовал только один правильный ответ, и любой другой превращал Дениса в плохого сына.

— Рад, — сказал он.

Павел снял кастрюлю с огня, хотя суп ещё не закипел.

— Мам, у меня в субботу игра, — продолжил Денис. — Если они придут после четырёх, я могу не успеть.

— Какая игра?

— С «Локомотивом». Я прошёл отбор.

— Молодец! Я так и знала. Попрошу, чтобы меня отпустили посмотреть.

— Тебя же только в понедельник переводят.

— Точно. Запуталась в днях. Ты сними видео.

— Паша снимает ужасно.

— Тогда поставьте телефон на штатив.

Они поговорили ещё три минуты — про тренера, школьную контрольную и новые кроссовки. Ирина ни разу не спросила, хочет ли Денис возвращаться. Павел ни разу не подсказал ей вопрос. Он понимал, что вмешательство унизит сестру перед сыном, и одновременно видел, как мальчик отвечает короткими удобными фразами.

Перед тем как отключиться, Ирина попросила Павла перезвонить ей через десять минут. Денис отодвинул телефон.

— Я в душ.

— Поешь сначала.

— Потом.

— Денис.

— Я сказал — потом.

Дверь ванной закрылась. Через несколько секунд зашумела вода.

Павел выключил громкую связь и набрал сестру.

— Ты мог не устраивать допрос, — сказала она вместо приветствия.

— А ты могла не обещать ему возвращение, которого ещё никто не согласовал.

— Я мать.

— Да.

— Что значит это твоё «да»?

— Только то, что ты мать. Но временная опека не заканчивается от одной фразы по телефону.

— Тебе нравится, что он у тебя.

Павел сел напротив пустого стула Дениса. На спинке висела толстовка, которую мальчик бросил утром.

— Мне нравится, что он в безопасности.

— Со мной он тоже будет в безопасности.

— Я хочу, чтобы так и было.

— Не звучит.

— Потому что я не умею говорить с тобой так, чтобы ты слышала только поддержку.

— А надо постараться. В центре говорят, близкие часто привыкают контролировать. Им трудно отдать человеку его жизнь, даже когда он выздоровел.

Павел закрыл глаза. Несколько месяцев назад он проверял её зрачки, сумку, щеки, время последнего появления в сети. Однажды ночью отобрал банковскую карту и получил по лицу. В другой раз поверил и оставил ей Дениса, а через час мальчик позвонил сам, потому что мать уснула на кухонном полу. Контроль не спасал Ирину, но отсутствие контроля могло оставить ребёнка рядом с ней в опасный момент. Обе правды существовали одновременно.

— Я не решаю, выздоровела ты или нет, — сказал он.

— Это решают врачи и комиссия. Денис тоже должен быть услышан.

— Ты уже настроил его.

— Он рад, что ты выходишь.

— Но домой не хочет.

— Я не знаю.

— Ты психолог. Ты всё знаешь.

— Нет. И не имею права решать за него.

В трубке послышался голос женщины, объявившей, что время дополнительного звонка заканчивается.

— В субботу покажи им, что у тебя всё временно, — быстро сказала Ирина. — Не делай вид, будто устроил ему новую семью.

— Я ничего не буду показывать специально.

— Конечно. У тебя и так идеально. Еда по контейнерам, справки в папке, носки по парам.

— Ира.

— Что?

— Я рад, что ты закончила этап.

Она молчала так долго, что Павел решил: связь прервалась.

— Спасибо, — сказала она наконец. — Я тоже рада. Правда. Просто мне страшно, что я вернусь, а моё место уже занято.

— Твоё место никто не занимает.

— Это ты так думаешь.

Звонок оборвался.

В ванной перестала шуметь вода. Павел разлил суп по тарелкам. Денис вышел с мокрыми волосами, сел и съел поло-

вину, не поднимая глаз.

— Мама правда будет жить здесь? — спросил он.

— Мы пока не знаем.

— Она сказала, что будет.

— Она сказала «может». Для дневной программы нужен согласованный адрес. Я поговорю с её врачом и с Мельниковой.

— То есть ты против.

— Я за то, чтобы не решать это за десять минут по телефону.

— А если она вернётся домой, я должен с ней?

Павел положил ложку.

— Тебя должны спросить.

— Кто?

— Мельникова. Может быть, психолог из опеки. Суд, если порядок будут менять через суд.

— А ты?

— Я спрошу как дядя. Но я не буду вкладывать тебе ответ.

Денис поморщился.

— Опять говоришь как на работе.

— Хорошо. Скажу проще. Я хочу знать, чего хочешь ты. Не что порадует маму. Не что поможет мне пройти проверку. Ты.

— А если я не знаю?

— Так и скажи.

— Им можно?

— Можно.

— И они не заберут меня в детдом?

Павел почувствовал, как внутри всё сжалось. Значит, этот страх жил рядом, пока взрослые спорили об адресах и сроках.

— Нет. Из-за слов «я не знаю» тебя никто никуда не заберёт. Есть я, есть мама, есть другие варианты на короткий срок, если они понадобятся. Но сейчас ты живёшь здесь.

— До субботы.

— И после субботы. За один визит такие решения не делают без серьёзной причины.

Денис смотрел в тарелку.

— Серьёзная причина есть?

Вопрос был тихим. Павел мог ответить «нет». Ночь, когда мальчик остался один, никто не обнаружил. В деле лежало подтверждение Нины Петровны, что Денис ночевал у неё. Холодильник был полон, оценки нормальные, тренировки оплачены. Аркадий вернул ключ. К субботе дверь будет закрыта новым замком.

Ложь помещалась в одном коротком слове.

— Сейчас нет причины, из-за которой тебя должны немедленно увезти, — сказал Павел. — Но проверка нужна не для того, чтобы нас похвалить. Они могут задавать неприятные вопросы.

— Ты опять не ответил.

— Ответил настолько честно, насколько могу сейчас.

Денис отодвинул тарелку.

— Когда взрослые так говорят, значит, они врут длинно.

Он ушёл в комнату. На этот раз дверь не захлопнул, а прикрыл. Щель шириной в ладонь была не приглашением и не примирением. Просто дверь не закрылась до конца.

В девять двадцать пришёл мастер. Перед этим служба прислала его имя, фотографию удостоверения и последние четыре цифры номера. Павел сверил всё в подъезде и только потом впустил. Мастера звали Рустам; ему было около пятидесяти, на ботинках он принёс крупу растаявшего снега и сразу спросил, можно ли поставить сумку на коврик.

— Вскрывали? — спросил он, осматривая замок.

— Не знаю. У постороннего был ключ.

— Тогда меняем цилиндр. Броненакладку не надо, дверь нормальная. Хотите с перекодировкой?

— Что это значит?

Рустам показал две коробки. В одной лежала обычная личинка с пятью ключами. Во второй — ключи двух цветов.

— Если потеряли один, вставляете второй комплект, первый перестаёт открывать. Но дороже. От копирования полностью ничего не спасает. Можно поставить сложный профиль, но если человек имеет доступ к вашему ключу, вопрос времени и денег.

Павел выбрал личинку сложнее прежней, но без обещания абсолютной защиты. Рустам работал десять минут. Старая деталь вышла из двери неожиданно легко — один длин-

ный винт, поворот ключа, движение пальцами. Павел представил, сколько раз за последний год Аркадий мог заказать копию, и остановил себя. Возможность не была действием.

Денис выглянул из комнаты.

— Пять ключей зачем?

— Комплект такой, — сказал мастер. — Один себе, второй родным, остальные в запас.

— А если запас украдут?

Рустам пожал плечами.

— Не хранить с адресом. И не раздавать всем подряд.

Он не знал, насколько точно ответил.

Павел оплатил работу картой, взял чек и попросил записать модель личинки в заказе. Один ключ отдал Денису. Тот повертел его в руке.

— Аркадию не дадим?

— Нет.

— А маме?

— Когда станет понятно, где она будет жить.

— Значит, не дадим.

— Я не это сказал.

Рустам сделал вид, что занят упаковкой старого цилиндра. Павел почувствовал стыд перед посторонним человеком, хотя тот наверняка слышал семейные разговоры хуже.

— Старый с собой заберёте? — спросил мастер.

— Оставьте.

Рустам положил металлическую деталь и пять старых

ключей в прозрачный пакет. Павел добавил туда зелёный ключ Аркадия, написал дату замены и убрал пакет в папку с чеками. Это не было уликой. Просто запись о том, что он сделал и когда.

После ухода мастера Павел проверил новый ключ снаружи, потом изнутри. Денис стоял в коридоре.

— Если я приду, а ключ не откроет?

— Звонишь мне. Не Аркадию, не мастеру. Мне.

— А если ты на приёме?

— В экстренном случае звонишь два раза подряд. Я увижу.

— Сегодня ты не увидел.

Павел кивнул.

— Сегодня не увидел. Поэтому будет ещё один человек, которому можно позвонить. Давай выберем вместе.

— Мама.

— Пока она в центре, оттуда нельзя быстро приехать.

— Тогда тренер.

— Хорошо. Завтра я спрошу у него, согласен ли он быть запасным контактом. Если согласен, внесём номер в карточку.

— А Нина Петровна?

Павел услышал фамилию как скрежет ключа в старом замке.

— Можно и её, если ты хочешь.

— Она рядом.

— Да.

Нина Петровна жила этажом ниже. В ночь школьного кризиса Павел позвонил ей утром и попросил сказать, что Денис спал у неё. Она согласилась не сразу. Потом сказала: «Один раз прикрою, но ты не железный». В документах её ложь превратилась в аккуратную строку о присмотре совершеннолетнего соседа.

— Завтра поговорим с ней, — сказал Павел.

— Почему завтра? Сейчас только десять.

— Поздно.

— Она не спит.

— Откуда знаешь?

— У неё телевизор слышно.

Снизу и правда доносились приглушённые голоса. Павел мог спуститься, попросить Нину Петровну стать запасным контактом и заодно предупредить о проверке. Она бы достала папку с документами, надела очки и повторила ту же историю. Возможно, даже поверила бы в неё сильнее, чем в собственную память. Тогда субботний визит прошёл бы спокойно.

— Завтра, — повторил он.

Денис ушёл чистить зубы. Павел сел за стол с уведомлением. Составил список: справка о доходе, школьный табель, выписка от педиатра, договор на квартиру, расписание тренировок, чек за новый замок. На отдельной строке написал: «Нина Петровна». Потом зачеркнул фамилию.

Он открыл электронное дело опеки. Доступ показывал только документы, загруженные им самим. Заявление, паспорт, согласие Ирины, характеристика из лицея, акт июньского обследования. И та самая записка: «В период экстренного вызова П. С. Сазонова несовершеннолетний находился под присмотром соседки Н. А. Крыловой». Ни времени, ни подписи Нины в электронной копии не было. Оригинал лежал у Мельниковой.

Павел посмотрел на закрытую дверь комнаты Дениса. Он понимал, что должен сделать. Но понимание ещё не стало решением. Сказать правду сейчас означало поставить под угрозу опеку в тот самый момент, когда Ирина возвращалась и Аркадий почему-то знал слишком много. Промолчать означало снова использовать чужую готовность помочь как щит.

Телефон мигнул. В домовом чате появилось сообщение Аркадия:

«Соседи, из-за похолодания проверяем пожилых и семьи, где взрослые поздно возвращаются. Если нужно встретить ребёнка, принять доставку или оставить запасной ключ в сейфе службы, пишите лично. Помощь бесплатная».

За минуту под сообщением появились девять поднятых больших пальцев. Тамара Сергеевна написала: «Спасибо, Аркаша, ты один про всех помнишь». Кто-то попросил забрать лекарства. Молодая мать из второго подъезда спросила, может ли Аркадий встретить сына в субботу после круж-

ка.

Павел не ответил. Он сохранил снимок сообщения, но не потому, что оно доказывало угрозу. Оно показывало устройство услуги: чем холоднее становилось, тем больше людей отдавали Аркадию расписания, адреса и ключи. Каждая просьба была добровольной. Каждая по отдельности выглядела разумно.

В личных сообщениях стояло непрочитанное от Мельниковой: «Павел Сергеевич, добрый вечер. Подтвердите, пожалуйста, получение уведомления. В субботу побеседуем с Денисом отдельно, если он не возражает. Также прошу сообщить, кому можно позвонить при необходимости срочно передать ребёнка взрослому».

Он набрал: «Уведомление получил. Время подтверждаю. Запасной контакт уточню завтра».

Палец завис над отправкой. Павел добавил: «Есть обстоятельство в прежних сведениях о присмотре, которое мне нужно прояснить лично».

Он перечитал фразу. В ней не было правды, только обещание когда-нибудь её сообщить. Но теперь обещание существовало не в его голове.

Павел отправил сообщение.

Ответ пришёл через две минуты: «Хорошо. Обсудим при встрече. Если обстоятельство влияет на безопасность Дениса сейчас, позвоните утром».

Он написал: «Сейчас Денис в безопасности».

Это было правдой. Новая дверь закрывалась. Мальчик спал в соседней комнате. В холодильнике стояла еда, в папке лежали справки, в телефоне — номера врачей и тренера. Но безопасность не отменяла ночь, когда всего этого оказалось недостаточно.

Павел убрал документы, выключил свет на кухне и проверил дверь ещё раз. Новый ключ повернулся туго, с сухим металлическим щелчком.

Из комнаты Дениса донёлся голос:

— Паш.

— Что?

— Если мама сюда переедет, ты уйдёшь?

Павел подошёл к приоткрытой двери. В темноте светился край телефона.

— Это моя квартира.

— Я не про квартиру.

Он понял не сразу.

— Нет, — сказал Павел. — Я не уйду из твоей жизни, как бы комиссия ни решила.

— Все так говорят.

— Я знаю.

— Аркадий тоже говорит, что всегда рядом.

Павел не нашёл ответа, который не звучал бы обещанием лучше чужого. Поэтому сказал только:

— Завтра в семь тридцать завтрак. На первый урок отвезу сам.

— Это не ответ.

— Другого у меня сегодня нет. Но в семь тридцать я буду здесь.

Денис помолчал.

— Ладно.

Павел закрыл дверь до узкой щели, как любил Денис, и лёг на диван, не раздеваясь. Телефон оставил со звуком. Зелёный ключ лежал в прозрачном пакете вместе со старым замком, уведомление комиссии — в папке на столе, а отправленная Мельниковой фраза не давала вернуть вечер в прежнее состояние.

Послезавтра ему предстояло доказать, что он способен заботиться о ребёнке.

Впервые Павел понимал: для этого придётся рассказать, как однажды он не справился.

Глава 4. Услуга за услугой

В семь двадцать Павел уже жарил яйца. Денис вышел из комнаты после второго будильника, сел за стол и первым делом посмотрел на новый ключ. Павел положил его рядом с тарелкой на синем шнурке, чтобы он не затерялся в кармане.

— Как в детском саду, — сказал Денис.

— Сними шнурок.

— Тогда потеряю.

Он надел ключ на шею и спрятал под толстовку. Мир между ними держался на том, что оба могли сделать вид, будто это шутка.

В домовом чате за ночь появилось сто восемь сообщений. Павел пролистал их, пока Денис ел. После просьбы Аркадия откликнулись люди из всех четырёх домов. Кому-то нужно было принять курьера с новым холодильником. Тамара Сергеевна просила забрать таблетки. Семья из первого подъезда оставляла кота на выходные. Ещё две матери искали, кто встретит детей после школы. Аркадий отвечал каждому по имени, помнил номера квартир и предлагал удобное время раньше, чем люди успевали его назвать.

«Лена, у Миши в пятницу английский до 17:20, могу забрать от центрального входа».

«Виктор Павлович, курьер обычно звонит за сорок минут, пусть набирает меня».

«Ольга, ключ от кладовой у меня остался с августа, новый не нужен».

Последнее сообщение Ольга отметила сердцем.

Павел открыл список участников. Сто восемьдесят три человека. Номера квартир указывали не все, но Аркадий знал их и без подписей. В закреплённом сообщении лежала ссылка на анкету службы «Рядом»: имя, адрес, телефон, состав семьи, дети, пожилые родственники, домашние животные, лекарства, запасной контакт. Внизу стояла галочка согласия на обработку данных. Куда уходили ответы, Павел по ссылке не понял.

— Ты в «Рядом» что-нибудь заполнял? — спросил он.

Денис пожал плечами.

— Когда?

— Вообще.

— Для великов заполнял. Чтобы подсобкой пользоваться.

— Что именно?

— Имя, телефон. Может, адрес.

— Геолокацию включал?

— Нет. Там чат только.

— Покажешь вечером?

Денис перестал жевать.

— Опять телефон?

— Не сейчас. И только приложение службы, вместе с тобой.

— А если не покажу?

Павел заставил себя не отвечать сразу.

— Тогда не покажешь. Но до проверки я хочу понимать, какие данные о тебе там есть.

— Проверка тут при чём?

— Ни при чём. Я неправильно сказал. Это про безопасность, а не про комиссию.

— Ты теперь всё будешь называть безопасностью?

— Постараюсь не всё.

Денис доел, взял рюкзак и первым вышел на площадку. Новый ключ повернулся в замке со второго раза. Павел показал, что его нужно чуть приподнять, но не стал забирать из рук.

Во дворе возле серого универсала стояли две хозяйственные сумки и коробка с нарисованным чайником. Аркадий переносил их в помещение «Рядом» на первом этаже бывшей диспетчерской. Дверь была открыта. За ней виднелись стеллажи, детское кресло, складная коляска и белая доска с разноцветными карточками.

— Доброе утро, — сказал Аркадий. — Замок поменяли? Павел остановился.

— Почему вы спрашиваете?

— Мастер расстроился, что потерял заказ. Надеюсь, нашли надёжного.

— Нашёл.

— Вот и хорошо. — Аркадий посмотрел на шнурок у воротника Дениса. — Новый ключ не носи на шее. На трени-

ровке зацепишься.

Денис тут же вытянул шнурок и снял его.

Совет был правильным. Павел знал случаи, когда дети получали травмы из-за шнурков и цепочек. Раздражение не делало совет неверным.

— Положи во внутренний карман, — сказал он.

Денис убрал ключ.

Из диспетчерской вышла женщина в домашнем халате под пуховиком.

— Аркаша, я корм для Бони подписала, — сказала она.

— Ключ на старом кольце. Только балкон не открывай, она выскочит.

— Записал, Марина Львовна.

Аркадий принял маленькую связку, наклеил на неё жёлтый кружок с номером и положил в металлический ящик у стены. На ящике был кодовый замок.

— Номер не квартирный, — сказал он Павлу, заметив взгляд. — В журнале соответствие хранится отдельно. Если сейф унесут, адрес по бирке не найдут.

— Кто имеет код?

— Я и двое дежурных.

— Фамилии?

Аркадий улыбнулся.

— Хотите провести проверку?

— Хочу понять, у кого ключи от квартир.

— Владельцам мы сообщаем. Остальным зачем?

Марина Львовна переводила взгляд с одного на другого.

— Павел Сергеевич, у них всё надёжно, — сказала она. —

Я три раза оставляла. Аркаша даже фотографию Бони присылает после кормления.

— Я не сомневаюсь, что вам помогли.

— Тогда чего допрашиваете?

— Не допрашиваю.

— Со стороны похоже, — мягко сказал Аркадий. — Павел Сергеевич волнуется из-за своей семьи. Это нормально.

Он не упомянул ни Оксану, ни проверку. Но Марина Львовна сразу смягчилась, будто ей объяснили причину чужой невежливости.

— Конечно, — сказала она. — Сейчас все нервные.

Павел повёл Дениса к школе. За спиной Аркадий напомнил мальчику, что вечером нужно вернуть насос в подсобку.

— Какой насос? — спросил Павел, когда они вышли со двора.

— Для велика.

— Он у нас?

— В шкафу.

— Почему ты вчера сказал, что ходил за насосом, если он у нас?

Денис нахмурился.

— Я ходил за ним позавчера. Потом принёс домой.

— А рюкзак?

— Что рюкзак?

— Аркадий сказал, ты оставил его в подсобке, когда заходил за насосом.

— Значит, оставил.

— Но вчера утром он стоял в нашей прихожей. Ты сам это сказал.

— Может, я два раза ходил.

— Может.

— Опять начинается.

Павел увидел, как мальчик ускорил шаг, и больше не спрашивал. Память Дениса не должна была становиться полем, на котором взрослые доказывали свою правоту.

У лица их встретила завуч Галина Ивановна.

— Павел Сергеевич, на минуту.

Денис ушёл в гардероб. Галина Ивановна отвела Павла к окну, из которого был виден школьный двор.

— Вчера Вельцев прислал новое предложение, — сказала она. — Хочет официально встречать детей, если родители задерживаются. Бесплатно, по списку.

— Школа согласилась?

— Директор просит оценить риски. Родители его знают, совет района поддерживает. После истории с девочкой у библиотеки всем хочется показать, что мы не бросаем детей одних.

— Какая история?

— Вы не слышали? В понедельник первоклассница сорок минут ждала отца. Телефон сел. Аркадий её увидел, привёз

домой.

— Отец просил?

— Потом благодарил в чате.

— А до этого?

Галина Ивановна поджала губы.

— Ребёнок один на улице. Что он должен был сделать?

— Позвать дежурного администратора. Связаться с родителем через школу. Не увозить ребёнка без подтверждения.

— Всё закончилось хорошо.

— Это не делает способ безопасным.

— Вот это и напишите. Только без ваших нынешних личных сложностей.

— Каких сложностей?

Она поправила папку под мышкой.

— Аркадий сказал, вы поссорились из-за ключа. Я не лезу. Но заключение должно быть профессиональным.

За одно утро его отказ успел превратиться в семейную тревогу, а требование вернуть ключ — в ссору. Ни одно слово не было прямой ложью. Именно поэтому исправлять их было трудно.

— Я дам заключение по порядку передачи детей, — сказал Павел. — Не по Аркадию лично.

— Сегодня сможете?

— После приёмов.

Первой к нему пришла мать пятиклассника, который дрался на переменах. Потом классный руководитель принес-

ла рисунки девочки, боявшейся отвечать у доски. В одиннадцать Павел участвовал в разборе травли в седьмом классе. Обычная работа требовала полного внимания. Между встречами телефон продолжал мигать сообщениями домашнего чата.

К полудню спор начался из-за Елены Крыловой из третьего подъезда. Она написала: «Прошу удалить из таблицы данные о расписании сына и не встречать его без моего звонка».

Аркадий ответил сразу: «Удалим, конечно. Вчера Никита сам пришёл в помещение погреться, поэтому дежурная проводила его до подъезда».

Елена написала: «Я не просила провожать. Ему двенадцать».

Следом появилась реплика Марины Львовны: «Лена, человек помог, а ты устраиваешь представление».

Кто-то добавил: «Потом случись что — первые будете спрашивать, куда смотрели соседи».

Елена повторила просьбу удалить данные. Аркадий прислал фотографию экрана с пустой строкой и написал: «Готово. Никите всегда рады зайти погреться без каких-либо обязательств».

Формально он выполнил требование. Но за двадцать минут Елене объяснили, что её отказ неблагодарен, опасен и направлен против самого ребёнка.

Павел сделал снимки переписки. Затем написал Елене лично: «Вы просили удалить данные из таблицы. Если хоти-

те проверить, какие сведения оставались и кто имел доступ, сохраните переписку и исходную анкету. Это общая рекомендация, не утверждение о нарушении».

Ответа не было.

Через час она удалила свои сообщения из общего чата. Реплики остальных остались. Теперь разговор выглядел так, будто жильцы осуждали пустое место.

В обед Павел спустился в столовую. За соседним столом две учительницы обсуждали доставку продуктов Тамаре Сергеевне.

— Вельцев золотой человек, — сказала одна. — Мой муж родной матери раз в неделю звонит, а этот чужим лекарства возит.

— Там же волонтёры, не он один.

— Всё равно организовал.

Павел сел подальше. Реальная польза Аркадия была не прикрытием, которое можно сорвать одним движением. Она существовала. Тамара Сергеевна получала лекарства. Дети не мёрзли у подъезда. Котов кормили. Чем полезнее была служба, тем нелепее звучало требование отказаться от неё из-за доступа, который люди сами отдавали.

После уроков к кабинету подошла Елена Крылова. Невысокая, в форме сотрудницы супермаркета, она всё ещё носила на груди бейдж.

— Это вы мне написали? — спросила она.

— Я.

— Зачем?

— Вы попросили удалить сведения. Лучше сохранить подтверждение просьбы.

— Я уже всё удалила. Никита увидел, что про него пишут. Сказал, завтра в школу не пойдёт.

— Аркадий или дежурная когда-нибудь забирали его без согласования?

— Три раза. Первый я спасибо сказала. У меня смена затянулась, снег был. Второй раз он уже знал, что я по четвергам до девяти. Третий Никита сам дошёл, но они позвонили мне и сказали, что он у них. Будто я потеряла ребёнка.

— Вы давали расписание?

— Заполняла анкету летом. Там была скидка на секцию через совет района. Я не помню, что именно отмечала.

— Ключ передавали?

Елена посмотрела в коридор.

— Один раз. Когда трубу прорвало. Мне его вернули.

— Вы уверены, что копии нет?

— А вы уверены про свой?

Павел не ответил.

— Весь двор знает, что вы вчера замок меняли, — сказала она. — Марина Львовна видела мастера. Если вы чего-то боитесь, скажите прямо.

— У меня нет доказательств, что кто-то сделал копию вашего или моего ключа.

— Тогда зачем пугаете?

— Я не хотел пугать. Только предложил сохранить собственную просьбу.

Елена застегнула куртку до подбородка.

— Аркадий помог, когда Никита из дома ушёл. Нашёл его в торговом центре. Бесплатно ездил, пока я на работе была. Я не хочу с ним воевать. Я хочу, чтобы моего сына не забирали без спроса.

— Это нормальное требование.

— В чате так не думают.

Она ушла, не попрощавшись. Павел записал разговор без фамилии ребёнка в рабочий блокнот, потом зачеркнул две строки. Елена не была его клиенткой и не просила заводить дело. Он оставил только дату и формулировку: «Родитель сообщает о повторной передаче ребёнка добровольцам без разового подтверждения; рекомендовать школе письменный порядок».

Заключение для Галины Ивановны заняло страницу. Павел написал, что ребёнка можно передавать только человеку, заранее указанному законным представителем; каждую внеплановую передачу нужно подтверждать через известный школе номер; волонтёр не получает доступ к школьным сведениям сверх необходимых; отказ семьи не обсуждается в общем чате; действия при оставшемся ребёнке начинаются со звонка родителю и администрации, а не с самостоятельной поездки.

Имени Аркадия в тексте не было.

Галина Ивановна прочитала и постучала ногтем по последнему абзацу.

— Слишком строго. Тогда теряется вся быстрота помощи.

— Быстрота не важнее того, кто имеет право забрать ребёнка.

— Родители сами его указывают.

— Один раз летом — не на все случаи до выпуска из школы.

— Вы понимаете, что у нас сорок три ребёнка после продлёнки? Учителя не могут сидеть с каждым.

— Поэтому нужен порядок, который работает для любого взрослого. Не доверие одному хорошему человеку.

Она отложила лист.

— Директору не понравится.

— Пусть даст письменные замечания.

— Вы сегодня всем предлагаете писать.

— Потому что устные договорённости меняются в памяти.

Он вспомнил рюкзак Дениса: прихожая, подсобка, насос, два возможных вечера. Галина Ивановна подписала лист и сказала, что передаст директору.

В половине шестого Денис написал, что идёт домой с тренировки. Павел ответил: «Жди у входа, заберу». Сообщение долго оставалось непрочитанным. Через пять минут в домовом чате появилась фотография: Аркадий стоял у серого универсала с тремя подростками, один из них — Денис. Под-

пись: «Спортсменов доставим по домам, погода нелётная».

Павел позвонил. Денис ответил со второго раза.

— Я сказал ждать.

— Я ждал. Аркадий приехал за Егором.

— Выйди из машины.

— Мы уже едем.

— Попроси остановить в безопасном месте и пришли адрес.

На заднем плане Аркадий сказал:

— Павел Сергеевич, пять минут — и будем во дворе. Не волнуйтесь.

— Я разговариваю с Денисом.

— Он на громкой связи, руки заняты сумкой.

— Остановите машину.

— Здесь знак и поток. У следующего магазина можно, но до дома ближе.

Павел услышал щелчок поворотника. Аркадий снова предлагал разумный довод в момент, когда отказ уже нельзя было исполнить без лишнего риска.

— У магазина, — сказал Павел. — Я подъеду.

— Паш, ты ненормальный? — спросил Денис.

— У магазина.

Аркадий остановился. Когда Павел приехал на такси, остальные подростки сидели в машине, а Денис стоял под козырьком с рюкзаком у ног. Аркадий вышел навстречу.

— Давайте без сцены при детях, — тихо сказал он.

— Я просил его ждать меня.

— Он сказал, что можно с нами.

— Денис не может отменить мою договорённость с ним, когда я отвечаю за дорогу домой.

— Ему тринадцать, не восемь. Он сам ходит по району.

— Тогда зачем вы его везёте?

Аркадий вздохнул.

— Потому что дождь, тяжёлая сумка и свободное место в машине. Иногда услуга — просто услуга.

— Если человек отказался, это уже не услуга.

— Он не отказался.

— Я отказался вчера. Денис отказался в сообщении до вашей встречи. Сегодня я написал ему ждать.

— Ваших сообщений я не видел.

— Но теперь видите границу. Не забирайте Дениса без моего прямого согласия.

Аркадий посмотрел на мальчика.

— Денис, ты понял?

— Не обращайтесь к нему, — сказал Павел.

— Вы обсуждаете его так, будто его здесь нет.

Павел почувствовал, насколько точно попали слова. Денис стоял в двух шагах, мокрый и униженный их спором.

— Денис, — сказал Павел. — Я должен был заранее объяснить, что сегодня заберу тебя. Прости. Сейчас едем домой.

— Я сам дойду.

— Хорошо. Я пойду рядом.

— Один.

— До двора один. Я буду с другой стороны улицы.

Денис подхватил рюкзак и ушёл. Павел дождался, пока он перейдёт по светофору.

— Вы делаете его своим доказательством, — сказал Аркадий.

— Чего?

— Того, что вы хороший опекун. Проверяете телефон, меняете замок, устраиваете погоню за машиной. Очень убедительно перед комиссией.

Павел повернулся к нему.

— Откуда вы знаете о комиссии?

На лице Аркадия впервые появилось не удивление, а усталость.

— Ирина написала в общий чат центра, что скоро вернётся к сыну. Она рада. Несколько человек её поздравили. Никакой тайны.

— В какой чат?

— Группы поддержки семей. Я помогаю с поездками, меня добавили как волонтёра.

— Вы общаетесь с Ириной?

— Иногда. Когда ей нужно передать вещи или узнать про Дениса.

— Без моего ведома.

— Она его мать. Ей не требуется ваше разрешение, чтобы спросить, как дела у сына.

Серый универсал стоял с включённым двигателем. На заднем сиденье подростки смотрели в телефоны, старательно не замечая взрослых.

— Не возите Дениса без моего согласия, — повторил Павел.

— Услышал.

— И удалите его расписание из вашей таблицы.

— Пусть сам попросит.

— Он несовершеннолетний.

— Но не вещь. Спросите его.

Аркадий сел за руль и уехал. Павел пошёл по другой стороне улицы. Денис был впереди, иногда исчезал за припаркованными машинами. Павел не ускорился.

У подъезда стояла Марина Львовна с переноской для кошки.

— Что вы к Аркаше привязались? — спросила она вместо приветствия. — Он ваших же детей возит.

— Моего племянника попросили ждать меня.

— Подумаешь, подвёз. Из-за таких, как вы, он вообще помогать перестанет.

— Я не запрещаю ему помогать вам.

— Сегодня вам не так, завтра Елене не эдак. А когда трубу прорвёт, побежите первым.

Денис молча открыл новую дверь. Павел вошёл следом.

В квартире мальчик достал телефон и открыл приложение «Рядом».

— На, смотри, — сказал он. — Раз уж всё равно не отста-
нешь.

На главном экране были поручения: «забрать», «привез-
ти», «проверить», «открыть». В профиле Дениса стояли имя,
телефон, адрес, школа, секция и дни тренировок. Ниже зелё-
ным горело: «Делиться местоположением во время поруче-
ния». Павел нажал на строку. Открылось пояснение: доступ
включается при принятии поручения и выключается после
завершения.

Последнее поручение называлось «Доставка после трени-
ровки». Оно было создано Аркадием в 17:21, принято от
имени Дениса в 17:22 и ещё не завершено.

На карте синяя точка показывала их квартиру.

— Ты принимал? — спросил Павел.

— Он дал телефон, сказал нажать зелёную кнопку, чтобы
отметить место в машине.

— Объяснил про геолокацию?

— Там что-то было написано. Я не читал.

Павел сделал снимок экрана на телефон Дениса и отпра-
вил ему же в сохранённые файлы.

— Заверши поручение.

Денис нажал. Синяя точка исчезла. В истории сохрани-
лись время, маршрут и имя исполнителя — Аркадий Вель-
цев.

— Теперь удалить профиль? — спросил Павел.

— Нет.

— Почему?

— Там ребята, велики и тренировки. Я не хочу уходить из-за вашей войны.

— Это не война.

— Тогда перестань вести себя как на войне.

Павел вернул ему телефон.

— Хорошо. Пока не удаляем. Но никакие поручения без разговора со мной.

— А если я сам хочу доехать?

— Тогда пишишь мне. Я отвечаю да или нет.

— И если нет, весь двор смотрит, как ты вытаскиваешь меня из машины.

Павел сел на край тумбы.

— Сегодня я сделал плохо. Надо было сначала поговорить с тобой, а не спорить над твоей головой.

Денис убрал телефон.

— Но всё равно запретишь.

— Пока да.

— Очень удобно извиняться и делать то же самое.

Он ушёл в комнату. Павел остался в прихожей. В домо-вом чате появилось сообщение Аркадия: «Просьба родителям: заранее сообщайте детям семейные правила поездок. Волонтеры не могут угадывать личные договорённости».

Ни имени, ни обвинения. Только разумная просьба. Под ней быстро росли одобрения.

Павел сохранил снимок и открыл анкету службы ещё раз.

Теперь он заметил мелкую строку под кнопкой: «Продолжая, вы соглашаетесь получать помощь от проверенных участников сообщества». Ссылки на список проверенных участников не было.

Он записал четыре вещи, которые мог подтвердить: у службы хранились ключи с номерными бирками; анкета собирала состав семьи и расписания; приложение включало местоположение при поручении; отказ в общем чате вызывал давление жильцов. Рядом добавил четыре ограничения: владельцы передавали ключи сами; геолокацию включал пользователь; Аркадий выполнил просьбу Елены удалить строку; многие услуги были оказаны действительно.

Получился не портрет преступника, а устройство, в котором слишком многое зависело от доброй воли одного человека.

В дверь позвонили.

Павел посмотрел в глазок. На площадке стоял Аркадий. В одной руке он держал велосипедный насос, в другой — прозрачный пакет с двумя коробками лекарств.

— Что вам нужно?

— Денис забыл насос в машине. И Нине Петровне лекарства передать. Она не открывает, телефон занят. Оставлю у вас?

— Нет. Отнесите тому, кто просил.

— Она сама просила. Вы этажом выше, у вас надёжнее, чем на коврикe.

За дверью комнаты скрипнул стул. Денис слушал.

— Я не принимаю чужие лекарства без её согласия, — сказал Павел.

Аркадий кивнул, будто именно такого ответа ожидал.

— Разумно. Насос хотя бы возьмите. Он ваш.

Павел открыл дверь на цепочку. Аркадий просунул насос в щель. Пакет с лекарствами остался у него.

— Завтра Нина Петровна должна быть нашим запасным контактом, — сказал Аркадий. — Вы ведь об этом хотели её попросить?

Павел сжал ручку насоса.

— Откуда вы знаете?

— Денис вчера спрашивал в чате ребят, кому оставляют запасной ключ. Написал, что у вас теперь только Нина Петровна рядом.

Объяснение снова существовало. Павел не мог проверить его, не попросив телефон Дениса.

— Доброй ночи, — сказал Аркадий.

— Она не открывает — вызовите помощь, если есть причина беспокоиться.

— Уже ответила, — сказал он, посмотрев на экран. — Просто разговаривала с дочерью.

Он спустился. Через минуту снизу донёсся голос Нины Петровны, затем её смех. Лекарства дошли. Помощь была оказана.

Павел закрыл дверь и положил насос на пол. На резино-

вой ручке белела наклейка службы «Рядом». Под названием мелкими буквами было напечатано: «Мы знаем, кто поможет».

Павел смотрел на неё и думал, что фраза обещала больше, чем соседскую поддержку.

Она обещала знать всех.

Глава 5. Не было приёма

В пятницу Оксана пришла до звонка и не стала снимать пальто.

Павел увидел её через стекло двери: она стояла в пустом коридоре, прижав к груди сумку, и смотрела не на табличку кабинета, а на лестницу. Уборщица в дальнем конце этажа толкала перед собой ведро. Из спортивного зала снизу доносился свисток. Обычное школьное утро ещё не началось, но Оксана держалась так, словно опоздала уйти.

Павел открыл дверь.

— Заходите.

— Я на минуту.

Она вошла и сразу остановилась возле порога. Павел не закрыл дверь до конца, оставил щель и отошёл к столу. После прошлого разговора ему не хотелось делать ни одного движения, которое можно было принять за попытку удержать её.

— Вы одна? — спросил он.

Оксана оглянулась в коридор.

— А кто должен быть со мной?

— Никто. Я спрашиваю, потому что в прошлый раз вы просили Светлану Юрьевну проводить вас до калитки.

— Не надо произносить её имя.

Павел кивнул.

— Хорошо.

На стуле возле окна лежала папка с планом родительского собрания. Оксана не села. Под глазами у неё были серые тени, губы она накрасила уже в дороге: на верхней остался неровный край.

— Удалите запись, — сказала она.

— Какую именно?

— Не делайте вид, что не понимаете. Я сюда не приходила. Мы не разговаривали.

Павел вынул из нижнего ящика тонкую рабочую папку, но не раскрыл её.

— В карточке нет того, что вы рассказали. Там дата, время, ваше имя и отметка, что обсуждалась семейная тревога. Без подробностей.

— Удалите всё.

— Я не могу уничтожить запись о состоявшемся приёме.

— Можете. Вы её написали — вы и выбросите.

— Бумагу выбросить можно. Сам приём от этого не исчезнет. Ваш вход мог остаться у охраны, встреча стоит в моём расписании, вас видели в школе.

— Значит, исправьте расписание.

Она говорила тихо. От этой тишины требование звучало не как вспышка, а как решение, которое она повторяла себе всю ночь.

— Оксана, что изменилось со среды?

— Ничего не было в среду.

— Я слышу, что вы хотите отозвать свои слова. Но мне

нужно понять, есть ли сейчас опасность для вас или Лизы.

— Не произносите её имя.

— Хорошо. Есть ли опасность для вашего ребёнка?

Оксана посмотрела на приоткрытую дверь. Павел подошёл к ней, но вместо того чтобы закрыть, распахнул шире. В коридоре никого не было.

— Так лучше?

— Нет.

— Как будет лучше?

— Если вы удалите карточку.

Павел положил папку на стол. Он мог сказать, что запись защищает и её, и его. Это было бы правдой, но прозвучало бы как забота о собственной должности. Мог сослаться на правила хранения, однако правила не отвечали на вопрос, почему женщина боится строки без содержания сильнее, чем возможного входа в квартиру.

— Кто узнал, что вы были здесь?

— Никто.

— Кто-то говорил с вами о приёме?

— Приёма не было.

— Вам показывали эту карточку?

— Нет.

— Вам угрожали из-за неё?

Оксана сжала ремень сумки.

— Вы задаёте вопросы, чтобы записать ответы.

— Сейчас я ничего не записываю.

— А потом запишете по памяти.

— Только то, что необходимо для безопасности и работы.

Не ваши слова дословно.

Она усмехнулась.

— Для безопасности. У вас все любят это слово.

Павел вспомнил Дениса, который накануне сказал почти то же самое. Он переставлял людей, запрещал поездки, требовал телефон и называл всё безопасностью. Аркадий собирал адреса, ключи, лекарства и тоже объяснял это помощью. Разница существовала не в правильном слове. Она была в праве отказаться и в том, что происходило после отказа.

— Вы можете не отвечать, — сказал Павел. — Можете уйти. Я не буду сообщать Аркадию, школе или другим родителям содержание прошлого разговора. Но я не создам ложную запись, будто вас здесь не было.

Оксана впервые посмотрела прямо на него.

— Я не называла эту фамилию.

— В прошлый раз называли.

— В прошлый раз меня здесь не было.

Павел понял, что спор о памяти только загоняет её глубже.

— Хорошо. Не будем возвращаться к содержанию. Скажите, чего вы боитесь от самой карточки.

— Что её увидят.

— Кто?

— Те, кому положено.

— Директор? Социальный педагог? Проверяющий?

— Все друг друга знают.

— В карточке нет обвинений и нет оценки вашего состояния.

— Там есть моё имя.

— Да.

— И семейная тревога.

— Я могу заменить эту формулировку на «консультация родителя». Это будет точнее и не раскроет тему.

— Удалите имя.

— Тогда я не смогу подтвердить, кому была оказана помощь.

— Мне не нужна ваша помощь.

За дверью хлопнула створка окна. Оксана вздрогнула и тут же рассердилась на себя. Павел не стал говорить, что всё в порядке. Он сам не знал, что было в порядке.

— Вчера мне позвонили из школьного совета, — сказала она. — Спросили, не нужна ли нам семейная поддержка.

— Кто позвонил?

— Женщина. Представилась Натальей. Фамилию не запомнила.

— Она ссылалась на меня?

— Нет. Сказала, что служба «Рядом» обновляет список семей перед холодами. Предложила сопровождение ребёнка, продукты и консультацию.

— На какой номер звонили?

— На запасной.

— Который вы оставляли в анкете службы?

Оксана промолчала.

— Что она сказала про школу?

— Что у родителей бывают тяжёлые периоды. Что не надо ждать, пока сведения уйдут выше. Что лучше принять помощь добровольно.

Фразы были достаточно общими. Их можно было сказать любой семье из списка. Но звонок пришёл на следующий день после приёма, на номер, который Оксана считала запасным. Совпадение не доказывало утечку. Оно объясняло страх.

— Сохранился номер входящего?

— Я удалила.

— Можно запросить детализацию у оператора, если решите, что это нужно.

— Ничего я не буду запрашивать.

— Хорошо.

— И вы не будете.

— Я не могу получить сведения о ваших звонках.

Оксана подошла к столу. Между ними оставалось два шага.

— Вы правда не понимаете? Если я жалуюсь, они открывают дело. Если молчу, никто ничего не открывает. Пока нет дела, я просто мать, которая иногда не справляется. Потом я становлюсь женщиной с историей, справками и вопросом, можно ли мне доверять ребёнка.

Павел не спросил, что именно было в её истории. Она уже дала понять достаточно.

— А если кто-то входит в квартиру без разрешения?

— Я поменяла замок.

— Хорошо.

— Не хорошо. Дочь спросила, от кого мы запираемся.

— Что вы ответили?

— Что старый замок заедал. Она сказала, что Аркадий мог бы починить бесплатно.

Павел почувствовал, как холодеют пальцы. Не от имени Аркадия — от простоты выбора, который уже сделали за ребёнка окружающие взрослые. Если помощь привычно приходила от одного человека, отказ от неё требовал объяснения. Объяснение становилось новостью.

— У него есть новый ключ?

— Нет.

— У кого есть?

— Только у меня.

— У дочери?

— Она пока без ключа. Я встречаю.

— Это вам подходит?

— Это не ваше дело.

— Да.

Павел отступил к окну. Во дворе дворник сгребал мокрые листья к бордюру. У ворот остановился серый универсал, но из-за ветвей нельзя было разглядеть водителя. Павел заста-

вил себя не подходить ближе к стеклу.

— Что произойдёт, если карточка останется? — спросил он.

— Она попадёт куда надо.

— Откуда вы это знаете?

— Потому что всё попадает.

— Это сказал человек, который вам звонил?

Оксана отвела взгляд.

— Она сказала, что школа обязана отмечать обращения родителей. И что добровольная поддержка выглядит лучше, чем скрытая проблема.

— Так и сказала: «скрытая проблема»?

— Наверное. Не помню.

— Вы сказали ей, что были у меня?

— Нет.

— Она сама упомянула обращение?

— Она сказала про обращения вообще.

Павел снова удержался от вывода. Женщина могла обзывать десятки семей и повторять заученный текст. Оксана могла слышать намёк, потому что ждала его. Аркадий мог попросить позвонить после того, как увидел её у школы. Ни одна версия пока не становилась фактом.

— Я проверю, имеет ли школьный совет доступ к карточкам, — сказал он. — Без вашего имени.

— Не надо.

— Проверю сам порядок доступа. Это моя обязанность.

— Вы опять сделаете хуже.

— Возможно, вам так кажется.

— Мне не кажется.

Она раскрыла сумку и достала сложенный вчетверо лист. Павел узнал бланк добровольного сопровождения службы «Рядом». В верхней части были напечатаны имя Оксаны, адрес и данные дочери. Внизу стояли пустые квадраты рядом с услугами: встреча после школы, доставка продуктов, хранение запасного ключа, помощь при ухудшении самочувствия.

— Это лежало под дверью, — сказала Оксана. — Уже заполненное.

Павел не коснулся листа.

— Можно посмотреть?

— Смотрите отсюда.

В правом верхнем углу ручкой было написано: «Рекомендовано до уточнения семейной ситуации». Подписи не было. Номер телефона совпадал с запасным, о котором говорила Оксана.

— Когда нашли?

— Вчера вечером.

— Конверт был?

— Нет.

— Кто мог войти в подъезд?

— Любой. Дверь опять не закрывается.

— Можно сфотографировать?

Оксана сложила лист.

— Нет.

— Тогда сохраните его у себя. Не отдавайте службе, не подписывайте, если не согласны.

— Я пришла не за советом.

— Понимаю.

— Нет, не понимаете. Я пришла забрать карточку.

— Я её не отдам. В ней почти нет содержания, но это рабочий документ школы.

— Мой разговор — не ваша собственность.

— Ваши слова остаются вашими. Я не записал их в карточку. Но факт моей работы я обязан хранить честно.

— Честно? — Оксана повысила голос и сразу оглянулась на дверь. — Вы хотите честно? Я соврала. Всё придумала. Никакой детали в датчике не было. Никакого входа не было. Я злилась на хорошего человека, потому что он отказался сидеть с ребёнком вечером. Запишите это и отдайте мне старую бумагу.

Павел почувствовал знакомое желание немедленно упорядочить услышанное: уточнить, почему изменился рассказ, оценить состояние, сопоставить детали. Но новый рассказ был предложением сделки. Если он заменит первую запись второй, Оксана получит бумагу, которую можно показать тем, кто потребует от неё отказаться от собственных слов. А он станет человеком, изготовившим удобную версию.

— Я не буду записывать признание в выдумке, которое вы произносите ради уничтожения карточки.

— Откуда вы знаете, ради чего я это говорю?

— Не знаю. Поэтому не назову правдой ни первый рассказ, ни нынешний отказ. Запишу только, что вы попросили прекратить консультацию и не хотите дальнейшего контакта.

— И снова моё имя.

— Да.

Оксана сунула лист обратно в сумку.

— Тогда я пожалуйсь директору.

— Вы имеете право.

— Скажу, что вы давили на меня.

— Директор должен будет это проверить.

— Вас уволят.

— Возможно.

Она ждала другой реакции. Павел тоже ждал от себя страха за работу, но первым пришёл стыд: два года назад, когда речь шла о Денисе, он сам попросил Нину Петровну подтвердить то, чего не было. Тогда он называл это одной подписью ради ребёнка. Сейчас Оксана просила одну карточку ради ребёнка. Разница была в том, что её страх мог быть навязан, а его ложь была выбрана им самим. Но бумага не знала мотивов. Она только сохраняла или меняла событие.

— Я не стану удерживать вас, — сказал Павел. — Если хотите подать жалобу, секретарь директора примет её. Могу позвать сотрудника, который проводит вас, или вы уйдёте одна.

— Вы думаете, если говорите спокойно, это не давление?

— Нет. Я думаю, что могу ошибаться. Поэтому предлагаю вам жалобу и другого специалиста.

— Другой тоже всё запишет.

— Скорее всего, факт обращения — да. Вы можете не обращаться.

— И тогда останется ваша запись.

— Останется.

Оксана подошла к двери, но не вышла.

— Если с ней что-нибудь случится, это будет из-за вас.

Павел не ответил «ничего не случится». Такое обещание было бы удобнее любой поддельной карточки.

— Если вы видите непосредственную угрозу ребёнку, скажите, и мы сейчас вызовем помощь. Если угрозы нет, вы можете уйти. Я не стану сообщать о содержании разговора в службу «Рядом».

— Содержание им не нужно. Им нужен сам факт.

Она вышла. Каблуки быстро простучали до лестницы и стихли.

Павел не бросился к окну. Он сел и записал время окончания встречи на отдельном листе. Потом позвонил Светлане Юрьевне.

— Можете зайти на минуту?

Она пришла с кружкой и пачкой цветной бумаги.

— Я только перед первым уроком. Что случилось?

— Родитель, который был у меня в среду, потребовал уничтожить карточку приёма. Я отказался. Содержание не об-

суждаю. Мне нужно проверить, кто имеет доступ к журналу консультаций и мог ли кто-то увидеть сам факт визита.

Светлана Юрьевна поставила кружку на подоконник.

— Бумажные карточки у тебя.

— Расписание?

— Общая сетка у секретаря. Я вижу свободные часы, фамилии обычно нет.

— Обычно?

— Если сам вписываешь фамилию, видно.

Павел открыл школьную программу. В среду в сетке стояло: «О. М., родитель 7Б». Он помнил, как сократил имя, считая это осторожностью.

— Кто видит?

— Администрация, секретарь, системный администратор. Классный руководитель может видеть занятость кабинета, но не примечание. Наверное.

— «Наверное» надо проверить.

— Павел, у тебя что-то серьёзное?

— У меня родитель, который боится самого факта обращения.

— У нас половина родителей его боится.

— Вчера ей на запасной номер звонили с предложением добровольной семейной помощи.

— Это связано?

— Не знаю.

Светлана Юрьевна посмотрела на открытую программу.

— Аркадий входит в общественный совет при районе. Но к школьной сетке его никто не пускает.

— Я не говорю, что пускает.

— Тогда что ты ищешь?

— Путь, по которому сам факт мог выйти отсюда. Или подтверждение, что такого пути нет.

— Спроси у администратора.

— Спрошу.

— И директора предупреди. Если родитель пожалуется, он должен услышать от тебя первым.

Павел закрыл программу.

— Сначала оформлю запись.

Он перечитал карточку. Дата, время, имя, «семейная тревога». Последние два слова теперь казались опаснее, чем в среду. Они не описывали содержание, но позволяли человеку со стороны придумать его. Павел зачеркнул формулировку одной чертой, чтобы прежний текст оставался читаемым, рядом написал: «Консультация родителя по личному запросу». Поставил дату исправления и подпись. Ни обвинения, ни отказа, ни бланка под дверью в карточку не добавил.

На отдельном служебном листе он зафиксировал просьбу уничтожить запись, свой отказ и предложение обратиться к другому специалисту или директору. Лист положил в закрытую папку, не в общую сетку.

Потом позвонил системному администратору Максиму.

— Мне нужен список ролей, которые видят примечания

в расписании психолога.

— Зачем?

— Проверяю доступ к сведениям родителей.

— Так сразу не скажу. Админы точно видят. Директор, завучи. Секретарь, кажется.

— Пользователи общественного совета?

Максим рассмеялся.

— У нас нет таких пользователей.

— Внешние сервисы получают выгрузку?

— Какую выгрузку?

— Любую. Посещаемость, обращения, семьи в трудной ситуации.

— Социальный педагог отчёт руками делает. Из расписания ничего наружу не уходит.

— Можешь подтвердить журналом, кто открывал примечание в среду?

— Если система пишет просмотр. Я не знаю, пишет ли она просмотр, там старый модуль.

— Проверь, пожалуйста.

— К обеду.

Уроки начались. Коридор наполнился голосами, мокрыми куртками и запахом столовой. Павел провёл две назначенные встречи, но между ними возвращался взглядом к папке. Уничтожить карточку было бы просто. Это немедленно исполнило бы просьбу Оксаны и, возможно, снизило риск. Одновременно он лишил бы её единственного независимо-

го подтверждения, что страх появился до возможного конфликта с Аркадием. Сохраняя документ, он оставлял след, которым могли воспользоваться против неё. В обоих решениях была цена, и ни одно нельзя было назвать помощью только потому, что он выбрал его спокойно.

В одиннадцать позвонила директор Лариса Валентиновна.

— Зайдите.

У неё сидела Галина Ивановна. На столе между ними лежало вчерашнее заключение Павла о передаче детей волонтерам.

— Нам поступила жалоба, — сказала директор. — Устная пока. Родитель утверждает, что вы отказываетесь удалить ложные сведения и угрожаете передать их органам опеки.

— Я не угрожал и не собирался передавать содержание разговора. Родитель просил уничтожить карточку состоявшегося приёма. Я отказался и предложил подать жалобу.

— Что в карточке?

— Минимальная отметка о консультации. Содержание конфиденциально.

— Даже для директора?

— Для директора тоже, если нет основания, связанного с непосредственной угрозой ребёнку или проверкой моей работы. Жалоба — основание проверить мои действия, не пересказывать разговор целиком.

Лариса Валентиновна постучала пальцем по заключению.

— У вас за два дня возник конфликт с районным добровольцем, жалоба родителя и особое мнение по сопровождению детей. Это связано?

— Я не могу отвечать на этот вопрос без раскрытия сведений родителя.

— Очень удобная позиция.

— Неудобная.

Галина Ивановна отвела глаза. Директор пододвинула к Павлу чистый лист.

— Напишите объяснительную. Без содержания консультации: когда пришёл родитель, чего потребовал, что вы ответили. Карточку опечатать у секретаря до решения комиссии.

— У секретаря к ней будет доступ.

— В запечатанном конверте.

— С отметкой о выдаче и возврате?

— Да, Павел Сергеевич, с отметкой. Мы умеем обращаться с документами.

Он услышал раздражение, но не стал смягчать просьбу.

— Тогда передам.

— И ещё. До разбора жалобы не связывайтесь с этим родителем.

— Она сама может обратиться при непосредственной угрозе?

— Не ищите лазейки. Если обратится — позовите меня или другого психолога.

Павел написал объяснительную при них. Отдельно указал, что исправил слишком широкую формулировку «семейная тревога» на нейтральную, сохранив видимость правки. Лариса Валентиновна прочитала, подписала акт приёма конверта и убрала его в сейф.

Когда Павел вернулся в кабинет, на столе мигал внутренний телефон. Максим сообщил, что журнал просмотров не ведётся.

— Можно увидеть только изменения, — сказал он. — Твою запись никто не менял.

— А кто мог видеть?

— Директор, два завуча, секретарь, я. Социальный педагог — только если ей дали расширенную роль. Сейчас у неё есть.

— Когда дали?

— В августе.

— Зачем?

— Она подменяла секретаря. Потом не сняли.

— Кто ещё сохранял старые роли?

— Павел, мне всю школу перебирать?

— Да. Не сейчас, но перебрать надо.

Максим вздохнул.

— Напиши заявку директору.

После разговора Павел открыл сайт районного общественного совета. В списке участников была Наталья Корнева, координатор семейной поддержки. Рядом с её фамили-

ей значилось место работы: тот же центр, где Ирина проходила дневную программу. Ни одного доказательства передачи сведений из школы это не давало. Зато показывало, как тесно соприкасались люди, которым по отдельности доверяли разные части чужой жизни.

Телефон Павла завибрировал. Сообщение пришло не от Оксаны и не от Аркадия. Нина Петровна прислала фотографию: у её двери стоял белый пакет с контейнерами еды. Под снимком было написано: «Аркаша принёс суп, сказал, у тебя сегодня трудный день. Хороший всё-таки человек».

Павел перечитал дважды.

Он не рассказывал Нине Петровне ни о жалобе, ни об Оксане. Трудным день мог быть из-за завтрашней проверки, о которой Аркадий уже знал от Ирины. Мог быть из-за ссоры с Денисом, которую видели во дворе. Мог быть просто удачной фразой человека, привыкшего приносить помощь вовремя.

Павел написал: «Спасибо. Пакет не открывайте до моего прихода, если он предназначен мне. Я ничего не заказывал».

Нина Петровна ответила смеющимся значком: «Не бойся, не отравит».

В следующем сообщении она добавила: «Он сказал, тебе надо беречь силы перед опекой».

Павел положил телефон экраном вниз. Аркадий опять сообщил только то, что уже мог знать. Ни одного невозможного знания, ни одной прямой угрозы.

Но теперь помощь ждала Павла у двери раньше, чем он успел попросить о ней.

Глава 6. Запасной ключ

Пакет с супом стоял у Нины Петровны на табурете, накрытый кухонным полотенцем.

— Остынет, — сказала она, когда Павел пришёл после работы. — Я бы в холодильник убрала, да ты велел не открывать.

— Я просил не открывать пакет, если он для меня.

— А как узнать, для тебя ли он, не открыв?

Нина Петровна улыбалась, но Павел видел, что его осторожность её задела. В её маленькой прихожей пахло жареным луком и стиральным порошком. На стене висела деревянная ключница в форме домика. Из четырёх крючков два были заняты: ключ с красной лентой и тяжёлая связка с брелоком-фонариком.

— Вы открыли?

— Верх заглянула. Два контейнера, хлеб, яблоки. Никакой бомбы.

— Я не про бомбу.

— Знаю, про Аркашу. Не понимаю только, что вы не поделили.

— Он оставил это для меня или для вас?

— Сказал: Павлу силы понадобятся, пусть поест перед комиссией. Я ответила, что ты взрослый и сам сваришь. Тогда он сказал, детям взрослые тоже нужны накормленные.

Павел снял полотенце. Белый магазинный пакет был завязан узлом. На одном контейнере под прозрачной крышкой виднелся борщ, на другом — гречка и две котлеты. Чека не было, записки тоже.

— Денису он писал?

— Откуда я знаю? Ты за этим пришёл?

— За пакетом и спросить про субботу.

— Вот. Сначала допрос, потом просьба.

— Не допрос.

— У вас с Аркашей теперь у обоих не допрос. Один спрашивает, дома ли ты по вечерам, второй — писал ли он Денису.

Павел опустил пакет на табурет.

— Когда он спрашивал, дома ли я?

— Утром, когда лекарства принёс. Сказал, перед проверкой тебе, наверное, есть чем заняться. Я сказала, ты работаешь допоздна.

— Что ещё вы ему сказали?

— Павел, я не передаю государственную тайну. Все знают, что у вас комиссия.

— Я не обвиняю. Мне нужно понимать, какие сведения у него есть.

— Зачем?

— Потому что он назначил мастера менять наш замок без моего согласия. Потому что дважды посадил Дениса в машину после отказа. Потому что у службы хранятся адреса,

расписания и ключи от квартир.

Нина Петровна скрестила руки.

— Мой ключ у него тоже был. Когда я в больнице лежала.

— Вернул?

— Конечно.

— Вы уверены, что копии нет?

— Ты теперь про каждого так будешь спрашивать?

— Пока не знаю.

Она сняла с крючка ключ с красной лентой и показала Павлу.

— Вот он. Тот самый. Никуда Аркаша без спроса не входил. Цветы поливал, холодильник проверял, квитанции фотографировал. Я вернулась — всё чисто.

— Я рад.

— Не похоже.

Павел посмотрел на ключ. Обычная плоская заготовка с потёртыми зубцами. По ней нельзя было понять, сколько таких лежит в других карманах.

— Вы согласитесь быть запасным контактом для Дениса?
— спросил он.

Нина Петровна не ответила сразу.

— Это значит, если я задерживаюсь, он может прийти к вам. Без ключа от нашей квартиры. Комиссии нужен взрослый рядом.

— А что с тренером?

— У тренера вечером другие дети и выезды. Он согласен

отвечать на звонки, но не всегда может приехать.

— А мать?

— Ирина выходит из центра в понедельник. Пока нельзя строить запасной план только на ней.

— Значит, на старухе можно.

— На соседке, которой Денис доверяет. Но если вам тяжело, я найду другой вариант.

Нина Петровна повесила ключ обратно.

— Не тяжело. Обидно. Год тебе подходило, что Аркаша за всеми смотрит, а теперь ты пришёл проверять, не сделала ли я его сообщником.

— Я вас ни в чём не проверяю.

— Проверяешь. Только вежливо.

Павел взял пакет.

— Тогда подумайте до завтра. Не соглашайтесь из жалости.

— Я уже согласилась. Денис пусть приходит. Но если вы взрослые опять начнёте врать друг про друга, я его в это не втяну.

Последние слова она сказала, открывая дверь. Павел не понял, знает ли Нина Петровна о той ночи или говорит вообще. Спросить означало бы самому подвести её к нужной тайне.

— Спасибо, — сказал он.

— Суп разогрей. Ребёнку не рассказывай, что он подозрительный.

Денис сидел на кухне перед раскрытой тетрадью и смотрел короткие ролики на телефоне. Услышав дверь, он выключил звук, но экран не перевернул.

— Это что? — спросил он про пакет.

— Аркадий передал ужин через Нину Петровну.

— Нормально. Я есть хочу.

— Я тоже. Но сначала посмотрим, что там.

— На яд?

— На то, что там действительно еда и она не испортилась.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. Мы её не заказывали и не знаем, когда при-
готовили.

Денис вытащил контейнер с борщом, понюхал через щель в крышке.

— Пахнет как еда.

На дне пакета лежала сложенная бумажная салфетка. Павел развернул её. Внутри был магнитный ключ от подъезда — чёрная таблетка с синей наклейкой.

Денис перестал улыбаться.

— Это наш?

— Не знаю.

Павел положил таблетку на стол, не касаясь контакта пальцами. На их ключах были зелёные наклейки управляющей компании. Синяя могла относиться к любому из четырёх домов.

— Может, Нина Петровна уронила, — сказал Денис.

— Может.

— Или Аркадий. У него таких много.

— Может.

— Ты ещё десять раз скажешь «может»?

— Пока у нас только ключ в пакете.

Павел сфотографировал его рядом с контейнерами, затем сам пакет и салфетку. Позвонил Нине Петровне на громкой связи.

— В пакете лежит магнитный ключ с синей наклейкой. Вы его клали?

— Нет. У меня красный брелок, ты видел.

— Аркадий мог уронить случайно?

— Позвони ему и спроси.

— Пакет был завязан, когда он принёс?

— Кажется, да. Я заглянула сверху, узел развязала и потом снова затянула.

— Ключ могли не заметить?

— Могла. Я не перебирала ваш обед.

— Хорошо. Спасибо.

— Суп-то ешьте. С утра сварен.

После звонка Денис поднял таблетку за край.

— Проверим на двери.

— Не надо.

— Почему? Если наш подъезд откроет, значит наш.

— Значит только, что он записан в систему нашего подъезда. Не чей он и не зачем оказался в пакете.

— А если не откроет?

— Тоже мало что значит.

— Тогда зачем фотографировал?

— Чтобы сохранить, как нашли.

— Ты уже как полицейский из плохого сериала.

Павел взял чистый конверт, написал дату и место, положил внутрь таблетку.

— До завтра не трогаем. Управляющая компания может проверить номер.

— И борщ опечатаем?

— Борщ выльем.

— Нет.

— Денис.

— Сам не ешь. Я буду.

— Мы не знаем, сколько он стоял без холодильника.

— Нина Петровна сказала, с утра.

— Сейчас почти восемь.

— Ты реально думаешь, что Аркадий решил нас убить кислым супом?

— Нет. Думаю, что мне не нравится подарок, который мы не просили, особенно с чужим ключом внутри.

— Это просто еда.

— Тогда завтра я куплю такую же.

— Завтра после комиссии? Если меня не заберут?

Павел замолчал. Денис отодвинул контейнер и вернулся к телефону.

— Я не должен был связывать ужин с проверкой, — сказал Павел.

— Аркадий связал. Ты только повторяешь.

— Да.

— Он хоть помогает.

— Иногда помогает.

— А ты всё портишь, чтобы потом сказать, что был прав.

Павел убрал контейнеры в холодильник, хотя собирался выбросить. Решение можно было отложить до утра. Разговор с Денисом — нет.

— Мне нужно спросить тебя про ключ, который был у Аркадия, — сказал он.

— Опять?

— Один раз. Потом не возвращаюсь без нового факта.

— У тебя все вопросы один раз, только каждый день новый.

— Вчера ты сказал, что он не входил к нам без тебя. Это точно?

Денис провёл пальцем по экрану, но ролик не включил.

— Я сказал, что не знаю.

— В школе сказал, что он заходил за рюкзаком.

— Потому что ты достал меня у машины.

— А на самом деле?

— Какая разница?

— Если он входил без нашего разрешения, это важно. Если ты сказал это, чтобы прекратить спор, тоже важно, но по-

другому.

— Ты хочешь, чтобы я выбрал правильный ответ.

— Нет.

— Хочешь.

Павел сел напротив, оставив между ними раскрытую тетрадь.

— Тогда не отвечай сейчас. Расскажи только то, что сам видел. Без догадок, зачем он это делал.

Денис долго смотрел на задачу по алгебре.

— Летом он заходил.

— Когда?

— Когда мама первый раз легла в центр. Ты был на работе.

— Ты был дома один?

— После лагеря. Ты сказал ждать тебя и никому не открывать.

Павел помнил тот день. Ирина исчезла на двое суток, потом позвонила из приёмного отделения. Он забрал Дениса из городского лагеря, отвёз домой, вернулся в лицей на экстренное совещание и попросил мальчика не выходить. До вечера оставалось три часа.

— Аркадий открыл своим ключом?

— Сначала звонил. Я не открыл. Потом дверь открылась.

— Ты видел, чем?

— Нет. Я был в комнате. Услышал замок.

— Что он сказал?

— Что ты попросил проверить меня.

— Я не просил.

— Я знаю. Потом узнал.

— Почему ты мне не сказал?

Денис поднял глаза.

— Сказал.

— Когда?

— Ты пришёл злой. Я сказал: сосед заходил, принёс пиццу. Ты ответил: хорошо, что не сидел голодный.

Павел вспомнил коробку на плите и три остывших куса. В тот вечер он пытался дозвониться Ирине, заполнял заявление о временном размещении Дениса и искал её страховой полис. Аркадий встретил его у подъезда, сказал, что мальчик поел и всё спокойно. Павел поблагодарил.

— Я решил, что ты открыл ему сам, — сказал Павел.

— Я не открывал.

— Ты это говорил?

— Не знаю. Наверное.

— После входа он сразу ушёл?

— Нет. Проверил холодильник, спросил, где таблетки мамы. Потом позвонил кому-то и сказал, что дома всё нормально.

— Он трогал вещи?

— Поставил пиццу. Открыл окно. В комнате мамы был.

— Ты видел?

— Видел, что вышел оттуда.

— С чем-нибудь?

— Нет.

Павел почувствовал желание собрать тот вечер заново, минуту за минутой. Но Денис уже сжимал карандаш так, что побелели пальцы.

— Достаточно, — сказал Павел. — Спасибо.

— Теперь вызовешь полицию?

— Сначала запишу, что ты рассказал, и проверю, когда я передал ему ключ.

— Ты передал раньше. Когда у нас труба текла.

— Я помню.

— Значит, сам дал.

— Дал для аварии, не для входа в любой день.

— Но не забрал.

— Не забрал.

— Тогда это и твоя вина.

— Да.

Денис будто потерял следующую реплику.

— И что?

— И то, что я должен был спросить, кому и на какой срок отдаю ключ. Должен был забрать после ремонта. Должен был услышать тебя летом.

— Ты всегда так говоришь, когда уже поздно.

— Часто.

— И комиссия тоже так напишет?

Павел посмотрел на конверт с магнитной таблеткой. Рядом лежала школьная тетрадь Дениса, на полях которой тот

рисовал маленькие колёса.

— Завтра я сам расскажу комиссии о ночи, когда оставил тебя одного, — сказал он.

Денис перестал крутить карандаш.

— Зачем?

— Потому что в прежних сведениях было написано, будто с тобой ночевала Нина Петровна. Это неправда.

— Они же не знают.

— Пока, возможно, не знают.

— Аркадий знает?

— Не уверен.

— Тогда молчи.

— Не могу.

— Можешь. Карточку этой женщины не удаляешь, потому что нельзя врать, а меня можно отдать чужим людям, потому что тебе надо сказать правду?

— Я не хочу отдавать тебя.

— Но отдашь.

— Решение не только моё. Я скажу, что случилось, почему и что изменил после этого.

— Ничего ты не изменил. Ты оставил меня одного, потом отдал ключ соседу, потом не услышал, что он вошёл. Сейчас ты опять занят женщиной из школы и своими бумажками.

Каждое обвинение было неточным по времени и точным по сути. Павел мог объяснить, что ключ отдали до той ночи, что Оксана была клиенткой, что смена замка уже сделана. Ни

одно объяснение не возвращало Денису взрослого, который вовремя замечает простые вещи.

— Ты прав, что не веришь обещаниям, — сказал Павел.
— Поэтому завтра будет конкретный план. Нина Петровна согласилась быть запасным контактом. У неё не будет ключа от нашей квартиры. Если я задерживаюсь, ты идёшь к ней или остаёшься в школе, пока мы не подтвердим, кто тебя забирает. Никто из «Рядом» не получает разрешение на поездку от моего имени. Всё это я подпишу вместе с комиссией.

— А если они скажут, что я еду к другой семье?

— Тогда ты сможешь сказать, чего хочешь, независимому специалисту. Я попрошу, чтобы тебя выслушали без меня и без Ирины.

— Очень щедро.

Денис захлопнул тетрадь и ушёл в комнату. Дверь он не запер, но включил музыку громче обычного.

Павел записал рассказ в рабочий блокнот, отделяя слова Дениса от собственных воспоминаний.

«Летом, точная дата не установлена. Денис находился дома после лагеря. Услышал открывание замка после того, как не ответил на звонок. Сообщает, что Аркадий вошёл, объяснил вход просьбой Павла, принёс пиццу, осмотрел холодильник, спрашивал о лекарствах Ирины, заходил в её комнату. Павел такой просьбы не давал. В тот же вечер Денис сообщил, что сосед заходил; Павел не уточнил способ входа и поблагодарил Аркадия за еду».

Ниже Павел написал: «Ключ был добровольно передан Аркадию ранее во время протечки. Срок возврата не оговаривался. Факт изготовления копии не установлен. Старый цилиндр заменён, комплект сохранён».

Он не писал «незаконное проникновение». Не писал «обыск». От точного слова зависело меньше, чем хотелось. Факт оставался бытовым: взрослый открыл чужую дверь ключом, который ему когда-то доверили для другой причины, и вошёл к ребёнку без согласия хозяина.

Павел достал пакет со старым цилиндром и ключами. На столе лежали пять серых ключей и один с зелёной насадкой, возвращённый Аркадием. По договору к замку прилагалось пять. Шестой зелёный ключ был сделан позже — Павел вспомнил мастерскую возле рынка, где копию нарезали за три минуты. Тогда он сам предложил Аркадию запасной экземпляр после протечки: вдруг труба снова лопнет, а Павел будет в школе.

Возможность сделать ещё одну копию у Аркадия была. Но возможность была и у Ирины, Нины Петровны, бывшей хозяйки квартиры, любого мастера. Старый цилиндр не мог рассказать, сколько ключей его открывали.

Павел сфотографировал комплект и нашёл в банковском приложении платёж мастерской. Дата была за девять месяцев до летнего входа. В переписке с Аркадием сохранилось сообщение Павла: «Сделал запасной, завтра отдам. Держи у себя до конца зимы, на случай труб». Аркадий ответил под-

нятым большим пальцем.

До конца зимы. Летом ключ всё ещё был у него. Павел не попросил вернуть, Аркадий не напомнил.

Он отправил себе снимки и экспорт переписки на школьную почту, потом остановился. Смешивать личные доказательства с рабочим адресом было ошибкой. Павел удалил письмо из исходящих и корзины, сохранил копии на отдельную карту памяти, положил её в конверт со старым цилиндром.

Телефон завибрировал. Аркадий написал лично: «Нина Петровна сказала, вы нашли домофонный ключ в пакете. Простите, мой. Выпал из кармана, когда перекладывал салфетки. Могу забрать сейчас».

Павел перечитал сообщение Денису через дверь не стал. Ответил: «Передам завтра при свидетеле после проверки номера в управляющей компании».

Аркадий набирал меньше минуты.

«Конечно. Это мастер-ключ волонтера к подъездам участников. Управляющая в курсе».

Павел сделал снимок экрана.

«К каким подъездам он даёт доступ?»

«К тем, где собственники согласовали вход для помощи. Не волнуйтесь, квартир он не открывает».

«Пришлите решение собственников и номер договора с управляющей компанией».

На этот раз ответа не было. Через десять минут в домовом

чате появилось сообщение службы «Рядом»: «Техническое напоминание: волонтерские домофонные ключи используются только для исполнения заявок. Если кто-то нашёл служебный ключ, передайте координатору».

Под сообщением Марина Львовна поставила сердце. Кто-то спросил, как оформить такой ключ для сиделки. Аркадий ответил, что вопрос решается через старшего по дому.

Павел открыл протоколы собраний собственников на сайте управляющей компании. За последний год жильцы голосовали за камеры у мусорной площадки, ремонт шлагбаума и замену ламп. Решения о мастер-ключах он не нашёл.

Он позвонил на аварийный номер. Диспетчер выслушала, попросила адрес и номер таблетки.

— Номер на корпусе обычно лазером, — сказала она.

Павел достал конверт. На чёрном пластике возле металлического контакта были едва заметные восемь цифр. Он продиктовал.

— Это не наш выпуск, — сказала диспетчер после паузы. — Но наши панели читают совместимые заготовки. Проверить права сможем завтра через инженера.

— Может один ключ открывать четыре дома?

— Может, если его в каждую панель добавили.

— Кто может добавить?

— Наш техник, подрядчик по домофону, иногда старший дома, если ему выдали сервисный код.

— У вас есть договор со службой «Рядом»?

— Не вижу. Может, через совет района. Оставьте заявку.

Павел продиктовал фамилию и номер телефона. Диспетчер назвала номер обращения. Он записал его рядом с описанием ключа.

Из комнаты вышел Денис, уже в спортивных штанах и с мокрыми после душа волосами.

— Ты с кем говорил?

— С управляющей компанией. Аркадий подтвердил, что ключ его. Говорит, он открывает подъезды участников службы.

— Ну вот. Не шпионский.

— Я и не говорил, что шпионский.

— Только опечатал.

— Чтобы не потерять.

Денис открыл холодильник и достал контейнер с гречкой.

— Я это съем.

— Разогрей хорошо.

— Разрешаешь?

— Да. Я был слишком подозрителен насчёт еды.

— А насчёт ключа?

— Проверяю.

Микроволновка загудела. Денис стоял перед ней, считая обороты тарелки.

— Летом Аркадий не сделал ничего плохого, — сказал он.

— Я реально был голодный.

— Он мог принести пиццу и не входить без разрешения.

— Я бы не открыл.

— Тогда мог позвонить мне.

— Ты бы не ответил.

Павел вспомнил совещание, пять пропущенных звонков Ирины и один от неизвестного номера. Возможно, Аркадий звонил. Это не превращало вход в согласованный, но делало картину менее удобной.

— Возможно, — сказал Павел. — Я проверю звонки, если сохранились.

— Ты всё проверяешь после.

— Да.

Денис вынул горячий контейнер, переложил еду на тарелку. Одну котлету разрезал пополам и половину подвинул Павлу.

— Нормальная, — сказал он. — Не отравлена.

Павел съел. Котлета была домашняя, с большим количеством лука. От этого простой жест Аркадия не становился ни безопаснее, ни опаснее. Он оставался ужином, который Денису был нужен вовремя.

Перед сном Павел проверил старый телефон. История вызовов за лето не сохранилась. В облачной детализации были только последние три месяца. Он записал ещё одно ограничение: подтвердить попытку Аркадия связаться с ним пока нельзя.

В половине одиннадцатого пришёл ответ от Аркадия: фотография письма на бланке общественного совета. В

нѐм управляющим организациям рекомендовалось содействовать доступу волонтеров в подъезды к маломобильным жильцам. Ни мастер-ключей, ни перечня домов, ни согласия собственников в письме не было.

«Вот основание», — написал Аркадий.

Павел ответил: «Это рекомендация содействовать доступу, а не решение о едином ключе. Завтра передам ключ представителю управляющей компании для проверки».

Аркадий позвонил сразу. Павел включил запись разговора и предупредил:

— Я записываю.

— Пожалуйста, — сказал Аркадий. — Только не оставляйте пожилых людей без помощи из-за личной тревоги.

— Как ключ оказался зарегистрирован в наших домофонах?

— Техник добавил. Старшие домов согласовали.

— Кто именно?

— Павел Сергеевич, сейчас почти ночь. Завтра дам контакты.

— До проверки ключ останется у меня.

— Формально это имущество службы.

— Он оказался в переданном мне пакете. Я сообщил о находке и передам его управляющей компании по акту.

— Вы умеете превратить котлеты в следственное действие.

— Умею не отдавать неизвестный ключ без проверки.

Аркадий помолчал.

— Денис рассказал вам про лето?

Павел не ответил сразу. Вот оно — знание, которого не должно было быть в разговоре. Но Аркадий мог догадаться: Павел спрашивал о старом ключе у школы, сменил замок, теперь проверял домофонную таблетку.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что он написал мне. Переживает, что вы сделаете из обычной помощи преступление.

— Вы переписываетесь с ним сейчас?

— Он сам написал в приложении. Я ответил, что взрослые разберутся.

— Не обсуждайте с ребёнком наш спор.

— Скажите это ему, не мне. Я не брошу подростка без ответа только потому, что его опекун нервничает.

— Ответьте на вопрос о лете. Вы вошли в квартиру своим ключом после того, как Денис не открыл?

— Вошёл. Дверь была заперта, мальчик не отвечал, вы не брали трубку. Его мать исчезла. У меня был ключ именно на случай беды.

— Я передал его на случай протечки до конца зимы.

— А потом девять месяцев не забирали. В тот день вы поблагодарили меня.

— Потому что не понял, что Денис вам не открыл.

— Вы не спросили.

— Вы сказали ему, будто я попросил проверить?

— Я сказал, что вы не будете против. Возможно, он запомнил иначе.

— Заходили в комнату Ирины?

— Искал лекарства и документы. Центр спрашивал список препаратов.

— Кто вас просил?

— Ирина. До того как телефон сел.

— Есть сообщение?

— Наверное. Если понадобится, найду.

В каждой фразе Аркадия была правдоподобная причина. Вместе они всё равно складывались в человека, который сам решал, когда чужое молчание означает согласие.

— Завтра пришлите сообщение Ирины и контакты старших домов, — сказал Павел. — Ключ я передам на проверку.

— Завтра у вас комиссия. Не тратьте силы на меня.

— Это мой выбор.

— Конечно. Только Денису потом жить с последствиями ваших выборов.

Связь оборвалась.

Павел сохранил запись. За дверью комнаты скрипнула кровать. Он подошёл и постучал.

— Ты писал Аркадию про наш разговор?

— Это один вопрос или новый факт? — отозвался Денис.

— Новый факт. Он сказал, что ты написал.

Дверь открылась. Денис держал телефон у груди.

— И что?

— Ничего. Ты имеешь право с ним разговаривать. Я прошу не пересылать ему документы комиссии, наш адрес и новое расписание.

— Адрес он знает.

— Да. Новые сведения не передавай.

— Потому что ты сказал?

— Потому что прошу. Запретить переписку без решения комиссии я не буду.

Денис недоверчиво посмотрел на него.

— Он сказал, что летом ты был не против.

— Я поблагодарил за еду, потому что не понял, как он вошёл. Это моя ошибка.

— Он думает, что спас меня.

— Возможно, он действительно так думает.

— А ты думаешь, что он враг.

— Я думаю, что помощь без разрешения может стать опасной, даже если человек уверен, что делает добро.

— Красиво.

— Некрасиво. Завтра я скажу комиссии, что оставил тебя одного и соврал о присмотре. Ещё скажу, что взрослый с моим ключом вошёл к тебе без моего прямого разрешения, а я узнал подробности только сейчас. Оба факта важны.

— И они решат, что вокруг меня одни психи.

— Они могут решить, что я плохо справлялся.

— Какая разница, как это называется, если уехать должен я?

Павел не нашёл ответа, который не звучал бы обещанием.

— Разница в том, что ты сможешь сказать своё мнение отдельно. Я это обеспечу.

Денис закрыл дверь не до конца. Полоса света осталась на полу.

Павел вернулся на кухню. В конверте лежал ключ, который открывал подъезды людей, согласившихся на помощь, и, возможно, тех, кого никто не спрашивал. В другом пакете лежал старый цилиндр от квартиры и шесть ключей, один из которых Павел сам передал человеку, привыкшему считать отсутствие запрета разрешением.

Ни один предмет не доказывал намерения.

Оба доказывали доступ.

Глава 7. Ночная запись

В три семнадцать Павел проснулся от короткого удара в дверь.

Не звонок, не стук костяшками — словно снаружи толкнули что-то твёрдое и оно задело нижнюю филёнку. Он сел на кровати и несколько секунд слушал квартиру. Холодильник ровно гудел на кухне. В комнате Дениса было тихо. Потом на лестничной площадке звякнул лифт.

Павел надел очки, взял телефон и вышел в коридор. Свет включать не стал. Из-под двери тянулась узкая жёлтая полоса от площадочной лампы. Она загоралась только от движения и через полминуты гасла. Значит, там недавно кто-то был.

— Денис, — негромко позвал он.

Дверь комнаты открылась почти сразу.

— Что?

Племянник стоял в футболке и спортивных штанах. Телефон был у него в руке, экран светился.

— Ты не спал?

— Спал.

— Я слышал лифт. К двери не подходи.

— Кто там?

— Не знаю.

Павел посмотрел в глазок. Пустая площадка, закрытые

двери соседей, коврик перед квартирой Нины Петровны. На их коврике лежал тонкий серый предмет, похожий на школьную тетрадь.

Он открыл приложение домофона. Последнее уведомление о звонке было в двадцать два сорок восемь, когда курьер ошибся подъездом. Камера у наружной двери снимала только лицо человека, который нажимал кнопку. Войти с магнитным ключом можно было без снимка и уведомления.

— Позвоним в полицию? — спросил Денис.

— Сначала посмотрим через камеру телефона.

— Так открой.

— Отойди в комнату.

— Если там бомба, комната не поможет.

— Я не думаю, что там бомба. Отойди, чтобы дверь не закрыла тебе выход, если кто-то стоит сбоку.

Денис закатил глаза, но отступил за угол. Павел включил запись на телефоне, назвал время и открыл дверь на цепочке. Площадка была пуста. Лифт стоял на первом этаже. У стены возле мусоропровода никто не прятался.

Серый предмет оказался журналом дежурств в твёрдой обложке. Его протолкнули под дверь не полностью: корешок застрял снаружи, край ударил по филёнке и разбудил Павла. На обложке синей ручкой было написано: «Лицей № 18. Кабинет психолога. Вечерние обращения».

Павел не коснулся журнала. Снял общий план, порог, обложку и положение корешка. Потом надел хозяйственные

перчатки, которыми обычно мыл ванную, и поднял находку за углы.

— Это твоё? — спросил Денис из коридора.

— Школьное.

— Что там?

— Пока не знаю.

— Ты всё равно откроешь.

— Открою на кухне и на видео.

— А мне смотреть нельзя?

Павел хотел ответить, что нельзя, но понял: журнал принесли к их двери именно затем, чтобы он начал прятать его от Дениса. Если внутри была та ночь, мальчик и так знал о ней больше любого взрослого.

— Можно стоять в дверях, — сказал Павел. — Не трогай страницы. Если увидишь что-то про себя, мы остановимся и решим, что читать дальше.

Он положил журнал на свободный край кухонного стола. Включил верхний свет, продолжая запись. Обложка была знакомой: такие тетради закупали для кабинетов пять лет назад. На углу остался белый прямоугольник от инвентарной наклейки. Павел видел этот журнал раньше, но не мог вспомнить, когда именно. В кабинете психолога вечерние обращения не регистрировали уже два года — после перехода на электронную систему.

Первая страница начиналась сентябрём позапрошлого года. Даты, время, фамилия дежурного администратора, при-

чина обращения. «Паническая атака после олимпиады». «Конфликт на тренировке». «Отец не забрал ученика». Записи делали разные люди. Почерк Павла встречался через страницу.

Он медленно листал, называя номера страниц вслух. Несколько листов в середине были вырваны. Последняя заполненная страница относилась к марту прошлого года. За ней лежал сложенный вчетверо лист бумаги.

На внешней стороне было напечатано: «Павлу Сергеевичу лично».

Денис подошёл на шаг ближе.

Павел развернул лист пинцетом из аптечки. На нём помещались три строки.

«Запись за 14 февраля ещё можно считать ошибкой. Встретимся завтра в 19:30 у помещения “Рядом”, спокойно исправим. Без директора, полиции и жалоб в управляющую компанию».

Ни подписи, ни номера телефона.

Под запиской лежала вырезанная из журнала нижняя половина страницы. Сверху сохранилась дата: четырнадцатое февраля. В графе времени — двадцать один сорок. В графе обращения было написано рукой Павла: «Экстренная беседа с учеником 9-Б. Родитель уведомлён». Ниже другим почерком: «Сазонов ушёл в 21:52. Племянник дома один. Присмотр Н. П. подтверждён по телефону в 22:06».

Возле последней строки стояла подпись заместителя ди-

ректора Светланы Андреевны Рощиной.

Денис прочёл через его плечо.

— Это та ночь?

— Да.

— Откуда они знают про Нину Петровну?

— Не знаю.

— Ты сказал, что она была со мной?

— Я сказал дежурному администратору, что ты под при-
смотром соседки. Светлана Андреевна попросила подтвер-
дить. Я позвонил Нине Петровне, и она сказала, что зайдёт.

— Но она не зашла.

— Нет.

— А здесь написано «подтверждён».

— Потому что я добился подтверждения, которого не бы-
ло в действительности.

Он услышал собственный голос как на чужой записи: ров-
ный, профессиональный, слишком пригодный для кабинета.
Денис смотрел на вырезанный лист, а не на него.

— Кто-то теперь хочет это исправить? — спросил маль-
чик.

— Кто-то хочет, чтобы я пришёл на встречу и не обращал-
ся к директору, полиции и управляющей компании.

— Аркадий.

— Мы не знаем, кто написал записку.

— У кого помещение «Рядом»?

— У Аркадия. Но назначить встречу там мог любой, кто

знает наш спор.

— Ты даже сейчас его защищаешь.

— Нет. Я отделяю то, что знаю, от того, что предполагаю.

— Он сказал про последствия твоих выборов. Потом это оказалось под дверью.

— Это важно. Я сохраню запись разговора и передам вместе с находкой. Но сказать, что принёс он, пока нельзя.

Денис засмеялся одним коротким выдохом.

— Класс. Если кто-то всегда помогает, его вообще нельзя поймать. Он везде бывает по делу.

Павел перестал снимать и сразу снова включил запись, заметив ошибку. Назвал время разрыва. Записку поместил в прозрачный файл, вырезанную страницу — в другой. Журнал оставил на столе.

— Теперь что? — спросил Денис.

— Звоню в полицию.

— В три ночи из-за тетради?

— Из-за школьного журнала, который оказался у нашей двери, и записки с требованием отказаться от жалоб.

— А им скажешь, что это правда?

— Что именно?

— Что я был один.

— Да.

— Тогда меня заберут до комиссии.

— Я не знаю, какое решение примут. Скрывать не буду.

Денис сел на подоконник, подтянув колени.

— Можно просто выкинуть.

— Нельзя.

— Почему? Ты всё равно хотел сказать завтра. Скажешь сам, а эту штуку выкинем. Тогда никто не сможет тобой командовать.

— Если выбросить, получится, что мной уже командуют. Я начну решать, какие следы показывать, а какие прятать, чтобы сохранить тебя рядом.

— А разве ты не должен сохранить меня рядом?

Павел снял перчатки и положил их возле раковины.

— Должен делать всё законное и честное, чтобы тебе было безопасно со мной. Это не то же самое, что любой ценой оставить тебя в этой квартире.

— Удобно.

— Нет.

— Тебя спросят, почему ты врал. Ты скажешь: ради меня. Потом сделаешь честное лицо, отдашь бумажку, и виноватым буду я, потому что был один.

— Ты ни в чём не виноват.

— Но переезжать мне.

Павел не стал говорить, что комиссия может ограничиться планом наблюдения. Сегодня любое утешение звучало бы как ещё одна запись о присмотре, которого не было.

— Да, последствия достанутся и тебе, — сказал он. — Это несправедливо. Я должен был думать об этом в феврале.

Денис спрыгнул с подоконника.

— Позвони сначала Нине Петровне. Пусть она опять подтвердит.

— Сейчас?

— Нет. Тогда. Ты же сам попросил.

— Попросил.

— Что именно?

Вопрос прозвучал не как детское любопытство. Денис проверял, сумеет ли Павел назвать ложь без удобных слов.

— Я сказал ей: если Светлана Андреевна позвонит, пусть подтвердит, что ты у неё, — ответил Павел. — Нина Петровна спросила, где ты на самом деле. Я сказал, что дома и спишь, а мне нужно закончить разговор с учеником. Она согласилась сказать, что зашла к тебе. Я попросил оставить всё так до утра.

— А утром?

— Утром она принесла тебе завтрак. Потом мы не возвращались к этому.

— Я возвращался.

Павел вспомнил тарелку с сырниками и Дениса, который спросил, почему Нина Петровна говорит, будто он ночевал у неё. Тогда Павел ответил: «Взрослые запутались».

— Да, — сказал он. — Ты спросил. Я не объяснил.

— Ты соврал два раза.

— Да.

Денис ушёл в комнату и закрыл дверь. Через минуту под ней погас свет.

Павел набрал сто двенадцать. Оператор выслушала, уточнила, есть ли угроза жизни, видел ли он человека и не трогал ли находку. Он сообщил о перчатках, видео и записке. Ему велели не продолжать листать журнал и ждать наряд.

Полицейские приехали через сорок минут. Молодой лейтенант с красными от холода ушами и женщина в штатском поднялись без сирены. Павел показал видео от момента открытия двери, не пропуская разрыв. Женщина представилась дознавателем Мариной Климовой и попросила рассказать всё сначала.

— Записка предлагает исправить запись, — сказала она.
— Что значит исправить?

— Не знаю. Запись о том, что мой племянник был под присмотром соседки, ложная. Возможно, автор предлагает уничтожить страницу или изменить сведения.

— Вы сейчас признаёте, что сообщили школе неверные данные?

— Да.

— Почему?

— В тот вечер у ученика была острая ситуация. Я решил остаться в школе, а Дениса оставил дома одного. Чтобы администрация не потребовала моего ухода, попросил соседку подтвердить присмотр.

Климова посмотрела на закрытую дверь комнаты.

— Возраст ребёнка тогда?

— Тринадцать. День рождения был за месяц до этого.

— Угроза здоровью, пожар, что-то произошло?

— Нет. Но это не делает ложь допустимой.

— Я не оценку спрашиваю. Что именно произошло ночью?

— Он был один примерно с девяти вечера до двух двадцати. Телефон работал. Я звонил дважды. Нина Петровна зашла утром, не ночью.

Лейтенант записывал. Климова попросила назвать полное имя соседки, директора, заместителя и человека, с которым Павел конфликтовал.

— Я не утверждаю, что журнал принёс Аркадий Вельцев, — сказал Павел. — Но в записке назначено место у его службы. Вчера он узнал о моей жалобе на мастер-ключ и сказал, что Денису придётся жить с последствиями моих выборов. Разговор записан с предупреждением.

— Передадите файл.

— Да.

— У кого мог быть журнал?

— Он должен храниться в школьном архиве или в кабинете заместителя директора. Я не видел его около двух лет.

— Кто знал про ту ночь?

— Я, Денис, Нина Петровна, Светлана Андреевна. Возможно, директор, если ей докладывали. Запись могли видеть сотрудники с доступом к архиву.

— Вельцев знал?

— Я ему не говорил. Нина Петровна могла рассказать, но

я не спрашивал. Он связан с общественным советом по семьям и знает о завтрашней проверке опеки. Откуда — точно не установлено.

Климова не дала ему продолжить перечисление.

— Хорошо. Отдельно факты, отдельно ваши догадки. Это правильно. Но не надо за меня строить версии.

Она сфотографировала порог и журнал, затем вызвала специалиста. Павел подписал объяснение, внимательно прочитав каждую строку. В фразе «ребёнок оставался без надзора в связи с производственной необходимостью» он попросил убрать последние четыре слова.

— Почему? — спросил лейтенант. — Вы же были на работе.

— Потому что это звучит как оправдание. Я сам выбрал остаться.

Лейтенант пожал плечами и переписал: «по решению Сафонова».

Специалист прибыл на старой тёмной машине без опознавательных знаков. Журнал, записку и фрагмент страницы упаковали отдельно. С внешней стороны двери сняли несколько следов, не обещая, что они пригодны. Павел передал копию видео и аудиозапись разговора с Аркадием. Оригиналы оставил в телефоне и включил резервное копирование.

— На встречу завтра не ходите, — сказала Климова в прихожей.

— Я и не собирался.

— Не предупреждайте человека, которого подозреваете. Вообще никого из списка пока не обзванивайте. Утром сообщите директору, что школьный документ изъят. Без переказа записки в общем чате.

— У меня в одиннадцать комиссия по опеке.

— Идите. Если понадобится, вызовем официально.

— Мне показать комиссии копию объяснения?

— Это решаете не со мной. Не скрывайте сам факт, если вас о нём спрашивают. Тайну следствия я вам не объявляла, но фотографии находки распространять не надо.

Когда дверь за полицейскими закрылась, было пять сорок две. До рассвета оставался примерно час. Павел вымыл руки, хотя работал в перчатках, и поставил чайник. На столе сохранился светлый прямоугольник в пыли — место, где лежал журнал.

Денис вышел сам.

— Забрали?

— Да.

— Тебя посадят?

— Не думаю. Но могут проверять ложные сведения и условия опеки.

— Ты всегда так отвечаешь, когда боишься?

— Как?

— «Могут проверять». Будто это не с нами.

Павел налил воду в две кружки.

— Я боюсь, что тебя временно поселят в другом месте. Боюсь потерять работу из-за нарушения и из-за журнала. Боюсь, что человек, который его принёс, мог войти в подъезд и знает наш распорядок. Ещё боюсь, что начну обвинять удобного виноватого и пропущу того, кто сделал это на самом деле.

Денис взял кружку, но не пил.

— Аркадий бы постучал. Он не прячется.

— Может быть.

— Нина Петровна могла принести?

— Не знаю. Полиция просила никому пока не звонить.

— А если она знала, что журнал украли?

— Тогда расскажет сама, когда её спросят.

— Ты всё отдаёшь другим людям.

— Что именно?

— Решение. Полиции, комиссии, директору. А потом говоришь, что честный.

Павел сел напротив.

— Ты прав наполовину. Я не могу сам расследовать кражу или решить вопрос опеки. Но я решил не идти на встречу. Решил отдать журнал. Решил рассказать про ночь до того, как меня вынудят. И решил, что ты не будешь ни моим свидетелем против Аркадия, ни доказательством, что я хороший опекун.

— А кем я буду?

— Денисом. На комиссии у тебя будет отдельный разговор

без меня. Можешь сказать всё, что считаешь нужным.

— Даже что хочу к маме?

— Даже это.

— А если хочу остаться?

Павел посмотрел на его пальцы, крепко сжавшие горячую кружку.

— И это.

— Ты не спросишь заранее?

— Не буду.

Денис поставил кружку и открыл холодильник.

— Борщ остался?

— Остался.

— Я разогрею.

Они ели борщ Аркадия в шесть утра. Павел поймал себя на желании вылить его после полиции, будто вместе с едой можно удалить чужое присутствие. Но контейнер стоял в холодильнике, еда была нормальной, Денис был голоден. Обычный завтрак не оправдывал вторжения и не доказывал угрозы.

В семь Павел написал директору короткое сообщение: ночью у двери квартиры найден старый школьный журнал, документ изъят полицией, подробности он сообщит лично. Отправил номер регистрации обращения, который продиктовала Климова. Не упомянул ни Аркадия, ни содержание страницы.

Директор позвонила через минуту.

— Какой именно журнал?

Павел повторил название с обложки.

— Он лежит в запёртом шкафу у Рощиной.

— Значит, нужно проверить шкаф.

— Ты понимаешь, что говоришь? Сегодня комиссия, вчера жалоба Мироновой, теперь полиция. Ты принёс домой школьный документ?

— Нет. Я снял на видео, как поднял его с порога. Полиция забрала находку.

— Что внутри?

— Запись о моём вечернем дежурстве и записка с требованием отказаться от обращений. Остальное лучше обсудить лично с участием полиции.

— Какая запись?

Павел мог сослаться на просьбу дознавателя и отложить признание до комиссии. Вместо этого сказал:

— Та, где я сообщил о присмотре за Денисом, которого в действительности не было. Я сегодня подам письменное объяснение и вам, и комиссии.

На линии стало тихо.

— В школу не приезжай, — сказала директор. — До выяснения работаешь не с детьми. Пришли объяснение на служебную почту и будь доступен.

— Понял.

— Рощиной пока не звони. Я сама проверю архив при свидетелях.

— Хорошо.

После разговора Павел открыл ноутбук. Первый абзац объяснения получился похожим на докладную: «В связи с возникшими обстоятельствами считаю необходимым сообщить». Он удалил его.

Написал заново: «14 февраля я оставил тринадцатилетнего Дениса Сазонова одного в квартире с 20:35 до 2:18. Чтобы продолжить экстренную беседу в лицее, я сообщил дежурному администратору, что за Денисом присматривает соседка Нина Петровна Белова. Это было неправдой».

Дальше указал звонки, просьбу к соседке, отсутствие происшествий и утренний визит. Отдельно написал, что не просит считать ночную находку оправданием или смягчающим обстоятельством. Приложил составленный вчера план: запасной взрослый, письменные согласия, запрет оставлять Дениса одного ночью, контакты тренера и центра Ирины. В графе о Нине Петровне уточнил: согласилась быть запасным контактом сейчас; её прежняя ложь должна оцениваться отдельно.

Денис собирал рюкзак в комнате. По расписанию у него было шесть уроков, но Павел не мог просто отправить его в лицей, где пропал документ и где сам был отстранён от работы с детьми.

Он позвонил социальному педагогу Марии Викторовне.

— Мне директор запретила приезжать и работать с учениками до выяснения, — сказал он. — Денис сегодня дол-

жен быть в школе. Может ли его встретить у входа сотрудник, который не связан с моим кабинетом, и после уроков передать тренеру?

— Что случилось?

— Ночью полиция изъяла найденный у нашей квартиры школьный документ. Подробности директор сообщит по служебному порядку. Мне важно не обсуждать их при Денисе и не оставлять его одного между школой и комиссией.

Мария Викторовна помолчала.

— Я встречу. После второго урока его заберёте на комиссию?

— Да. Если комиссия не изменит время.

— Аркадий сегодня дежурит у перехода. Предупредить, чтобы не подходил?

Павел почувствовал, как готовый ответ поднимается раньше мысли.

— Не передавайте ему никаких сведений о Денисе и не поручайте сопровождение, — сказал он. — Но не говорите, что он причастен к ночной находке. Этого не установлено.

— Павел, мне детей встречать или формулировки вымерять?

— Встретить Дениса лично. Это всё.

Он выключил звонок и увидел новое сообщение от Аркадия.

«Доброе утро. Надеюсь, ночь прошла спокойно. Контакты старших домов соберу к обеду. Мастер-ключ передайте

мне или управляющей компании под расписку. Если нужна помощь перед комиссией, я рядом».

Павел перечитал первую фразу. Она могла быть обычным пожеланием. Могла быть проверкой, нашёл ли он журнал. Ответ на сообщение дал бы отправителю сведения, которых тот пока не имел.

Он сделал снимок экрана и переслал Климовой с пометкой: «Получено в 7:24. Не отвечаю». Потом записал номер заявки управляющей компании на конверте с мастер-ключом.

— Он написал? — спросил Денис из дверей.

Павел не стал переворачивать телефон.

— Да. Пожелал спокойной ночи задним числом и предложил помощь перед комиссией.

— Покажи.

Павел показал.

— Видишь? — сказал Денис. — Он собирает контакты. Значит, не врёт про ключ.

— Если соберёт, проверим.

— А «ночь прошла спокойно» тебе кажется угрозой.

— Кажется возможным намёком. Но это может быть обычная фраза. Я передал её полиции без вывода.

— Ты ему не ответишь?

— Пока нет.

— Тогда я отвечу, что всё нормально.

— Прошу не делать этого до комиссии.

— Опять просишь.

— Да. Запрещать переписку не буду. Но если автор записки ждёт реакции, любой ответ сообщит, что мы нашли журнал и что произошло дома.

Денис убрал телефон в карман.

— Я не отвечу, — сказал он. — Не потому, что ты прав. Просто не хочу помогать тому, кто это подкинул.

В половине восьмого они вышли из квартиры. Павел запер новый цилиндр на два оборота и дёрнул дверь. На площадке пахло влажной тряпкой. Нина Петровна ещё не открывала, хотя обычно в это время уже шла за хлебом.

У лифта Денис нажал кнопку и спросил:

— Если журнал был у Рощиной, почему записка зовёт к Аркадию?

— Не знаю.

— Они знакомы?

— Наверняка. Он участвует в районном совете, она ведёт школьную профилактику. Знакомство ничего не доказывает.

— Я уже понял.

Лифт пришёл пустой. На первом этаже Павел остановился у панели домофона. Маленький чёрный глазок смотрел на входную дверь, но не на лестницу и не на лифт. Человек с зарегистрированным ключом мог войти, подняться, оставить журнал и выйти, не показав лица. Журнал мог принести и жилец, которому вообще не требовался ключ.

Снаружи начинался мелкий дождь. У подъезда стояла бе-

лая машина «Рядом» с выключенными фарами. За рулём никого не было. На заднем сиденье виднелись детские кресла, пакеты с продуктами и свёрнутая оранжевая жилетка.

Денис замер.

— Он всегда здесь утром, — сказал он.

— Я знаю.

Из соседнего подъезда вышел Аркадий. В одной руке он держал термос, другой поддерживал под локоть Тамару Сергеевну. Довёл её до скамейки под козырьком, открыл машину и убрал ходунки в багажник. Увидев Павла, улыбнулся и поднял термос вместо приветствия.

Павел не подошёл. Не спросил, где Аркадий был в тринадцать. Не сообщил о полиции. Он проводил Дениса до школьного перехода, где их уже ждала Мария Викторовна.

Аркадий помог Тамаре Сергеевне сесть, укрыл её колени пледом и только потом посмотрел на окна Павла.

На человека, который ночью принёс журнал, это было похоже не больше и не меньше, чем на человека, который каждое утро помогал соседям.

Именно поэтому Павлу нужен был не взгляд, а след.

Глава 8. Ложная соседка

Нина Петровна ждала у подъезда, когда Павел вернулся за документами к комиссии.

Она стояла под козырьком без зонта, в тонком домашнем пальто, и держала телефон обеими руками. На экране светился незавершённый вызов. У белой машины «Рядом» уже никого не было.

— Ко мне полиция приходила, — сказала она вместо приветствия. — Что ты натворил?

— Нашли школьный журнал у моей двери. Там была запись про ту ночь.

— Какую запись?

Павел посмотрел на окна первого этажа. За стеклом консьержной темнел пустой стул.

— Про четырнадцатое февраля. Что Денис был один, а вы подтвердили присмотр.

Нина Петровна отступила к стене.

— Ты им сказал?

— Да.

— Про меня тоже?

— Назвал ваше имя и рассказал, о чём просил.

Она прижала телефон к груди.

— Мог предупредить.

— Дознаватель просила никому не звонить.

— Я не «никто». Ты меня в это втянул.

— Тогда втянул. Сегодня обязан был назвать.

— Обязан. Ты всё теперь обязан, когда поздно.

Дверь подъезда открылась, мимо них прошёл мужчина с собакой. Нина Петровна замолчала, пока тот не свернул за угол.

— Они спросили, был ли Денис у меня, — сказала она тише. — Я ответила, что был.

Павел почувствовал знакомое желание быстро исправить чужой ответ. То же самое желание в феврале заставило его набрать её номер.

— Почему?

— Потому что испугалась. Двое чужих людей в квартире, бумагу показывают. Спросили сразу: подтверждали ли при-
смотр? Я сказала да.

— Они ещё вернутся. Скажите правду.

— А если правда тебе навредит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.